

Иван Разумов

Семья в Древней Руси

О семейных отношениях у восточных славян
и русов VIII — 1-й половины XIII вв.

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 94
ББК 63
Р17

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

- Разумов Иван**
Р17 **Семья в Древней Руси : О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII — 1-й половины XIII вв. / Иван Разумов. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 156 с. — ISBN 978-5-4483-2051-4**

Работа посвящена анализу семейных отношений накануне создания и в ранний (домонгольский) период существования Древнерусского государства. Автор использует как письменные источники, содержащие сведения о семье и браке, так и данные археологии. Книга будет интересна как специалистам-историкам, так и всем любителям истории России.

УДК 94
ББК 63

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-2051-4

© Иван Разумов, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Семья — основной элемент общества, тот атом, через познание которого открывается сложная сущность социальных отношений. Всю жизнь человек проводит в рамках семьи: сначала — родительской, затем — своей собственной. Именно изучение отношений мужчины и женщины в рамках семейного коллектива позволяет почувствовать реальный дух эпохи, проследить истинную картину жизни масс населения. Изучение темы семьи и брака — необходимое условие для полноценного понимания особенностей того или иного исторического периода.

В своей работе мы остановимся на периоде, предшествующем вторжению монголо-татарских войск на Русь. Кроме прочего, это время интересно для исследователя ещё и тем, что именно тогда за влияние в массах начали бороться две формы религии — язычество и христианство. Их борьба, продолжавшаяся в течение столетий, привела к установлению двоеверия, которое наложило отпечаток на характер семейных отношений в Древней Руси.

Тема семьи и брака в трудах историков Российской империи, СССР и Российской Федерации была представлена довольно слабо, предпочтение отдавалось сначала правовым, затем — экономическим и общественно-политическим вопросам. Впервые проблема семьи в Древней

Руси в языческий период существования государства (в части личных отношений между супругами) была затронута Н.М.Карамзиным¹. Изначально, исследователей интересовали, преимущественно, правовые аспекты жизни семьи. Историко-правовой анализ институтов брака и семьи содержат труды М.Ф.Владимирского-Буданова и В.И.Сергеевича². Изучались вопросы, связанные с формами брака, личными и имущественными отношениями супругов (Н.И.Хлебников, О. Ланге, Д.Я.Самоковасов, В.И.Синайский³ и др.), наследования (А.Н.Попов, И. Гаубе, П.П.Цитович⁴), правового положения женщины, расторжения брака (Н. Лазовский, А.И.Загоровский⁵). Но всем этим работам был присущ важный недостаток: брак и семья рассматривались исключительно сквозь призму юридических отношений, а источниковая база исследований ограничивалась, пре-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1989—1991.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1915; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1894.

³ Хлебников Н. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. — СПб., 1872; Ланге О. О праве собственности супругов по древнерусскому праву. — СПб., 1886; Самоковасов Д. Я. Древнее русское право. — М., 1903; Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. — Юрьев, 1910.

⁴ Попов А. Об опеке и наследстве, во времена Русской Правды. — М., 1845; Гаубе И. История древнего наследственного права у славян. — М., 1845; Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. — Харьков, 1870.

⁵ Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву. — М., 1883.; Загоровский А. О разводе по русскому праву. — Харьков, 1884.

имущественно, правовыми документами.

С середины XIX века появляются работы профессиональных историков (выходят труды М. Морошкина, А. Смирнова, Д. Дубакина и ряда других авторов¹), которые, опираясь на более широкую источниковую базу, затрагивают многие аспекты брачно-семейных отношений и создал яркую картину семейного быта на Руси. Исследователи, рассматривая быт и нравы в Древней Руси, приходят к выводу о наличии у древнерусской женщины широких личных прав и свобод, предпринимают попытку реконструкции брачных обрядов восточных славян.

Существенным плюсом всех этих работ является выход за границы истории права и расширение круга изучаемых вопросов. Одновременно, имеются и минусы, среди которых — некритическое отношение к источникам. К тому же дореволюционная историческая мысль не всегда четко разделяла период существования Древней (Киевской) Руси и формирующегося Российского

¹ Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». — СПб, 1880; Морошкин М. Свадебные обряды Древней Руси. — М., 1848; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. — М., 1877; Добряков А. Русская женщина в до-монгольский период. — СПб., 1864; Шашков С. С. История русской женщины. — СПб., 1879; Харламов И. Женщина в русской семье. — 1880; Шульгин В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. — Киев, 1850; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. — М., 1877; Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. — СПб., 1903; Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах преимущественно русских. — Харьков, 1881; Державин Н. С. Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах современных народов. — СПб., 1907.

государства. Потому нередко можно встретить применение понятия «Древняя Русь» к эпохе XV — XVI веков, и, соответственно, описание особенностей семейного уклада более позднего времени. При этом большинство авторов опирались, главным образом, на этнографические данные, а письменные источники для историков XIX — начала XX вв. ограничены Повестью временных лет, уставами князей, редакциями «Русской Правды» и ещё рядом памятников (русского и, отчасти, византийского права).

После 1917 г. интерес к проблемам российской ментальности надолго исчезает, сменившись изучением политической и экономической истории. В конце 30-х годов XX века появляется ряд работ по проблематике семьи и брака (к примеру, Е.А.Рыдзевской, С.Я.Вольфсона), но они не могут претендовать на роль обобщающих трудов по домонгольскому периоду истории Древней Руси¹. К тому же, Е.А.Рыдзевская — специалист по Скандинавии, и ее исследования могут быть использованы лишь для проведения некоторых аналогий и сравнительного анализа.

В советский период в работах различных исследователей периодически поднимается вопрос о типологии древнерусской семьи, времени и длительности перехода от большой патриархальной к малым индивидуальным семьям², рассматривается личное и имущественное поло-

¹ Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. — М., 1937; Рыдзевская Е. А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы. — М., 1937.

² См. напр.: Рапов М. Ю. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? — М., 1969; Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси. —

жение женщин и детей на Руси¹. С. Бахрушин и В.Ю.Лещенко² отмечали сохранение языческих пережитков в семейно-брачных отношениях и борьбу церкви с ними.

Но наиболее полным исследованием проблемы семейно-брачных отношений и повседневной жизни населения Древнерусского государства является работа Б.А.Романова «Люди и нравы Древней Руси»³. В ней исследователь попытался реконструировать внутреннюю жизнь семьи в домонгольской Руси на основе, преимущественно, церковных памятников — «Посланий» и «Поучений» духовных лиц. Кроме того, он опирался на данные «Русской Правды» и уставов князей,

М., 1981; Мавродин В. Древняя Русь. — М., 1946; Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1949; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — М.-Л., 1958; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — М., 1968; Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси. — М., 1970; Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII — XIII вв. — Киев, 1972; Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси (по поводу статьи Ю.М.Рапова). — М., 1972; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. — СПб., 1999.

¹ См. напр.: Данилова Г. М. К вопросу о положении женщины в период генезиса феодализма (сравнительный анализ славянских и германских «Правд»). — М., 1971; Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI — XV вв.). — М., 1983; Черниловский З. М. Русская Правда в свете других славянских судебныхников. — М., 1984; Браичевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. — Киев, 1989; Прошин Г. «Робичич». — М., 1989.

² Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси. — М., 1988; Лещенко В. Ю. Антиклерикальное значение обычного права в брачно-семейных отношениях восточных славян. — Л., 1982.

³ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. — М.-Л., 1966.

а также на некоторые литературные памятники («Житие Феодосия Печерского», «Слово» Даниила Заточника и др.). Б.А.Романов исследовал проблемы утверждения моногамной семьи и роли церкви в этом процессе, воспитания детей в обычной древнерусской семье и совместной жизни супругов, причин распада семьи и его последствия. Всё это делает его труд, как уже отмечалось, наиболее полным и ценным для последующих исследований. Но, тем не менее, в этой работе присутствует ряд недостатков. Во-первых, не полностью охвачена источниковая база: кроме использованных Б.А.Романовым, в настоящее время для изучения проблемы брака и семьи в Древней Руси доступны и другие свидетельства: данные восточных, византийских и скандинавских авторов о населении Восточной Европы, а также особый тип источников, характеризующих ситуацию в среде массы населения — грамоты на бересте. Последние не могли быть использованы Б.А.Романовым, так как обнаружены сравнительно недавно. Кроме письменных источников, определенное представление об общественном строе восточнославянских племен можно составить и на основе археологических данных, чего также у Б.А.Романова нет.

В последней четверти XX столетия и в 2000-е годы вышел ряд работ российских историков, посвященных различным вопросам брачных отношений и положению отдельных членов семьи. К примеру, за два издания своей книги «Женщины Древней Руси»¹ Н.Л.Пушкарева проследила положение женщины в семье и обществе

¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М., 1997.

от древнерусского периода до XVIII века. Кроме неё, вопросы положения древнерусской женщины, отношений между супругами, воспитания детей, а также иные, до недавнего времени «запретные» темы (к примеру, сексуальные отношения в браке и вне его) затрагивались и другими авторами¹. Появились статьи по отдельным вопросам интересующей нас проблематики², как и в XIX веке, возрождается интерес к оценке правового статуса членов семьи, эволюции форм заключения брака, вопросам регулирования брачно-семейных отношений³. Затрагивает тему семьи в интересующий нас период и коллективная монография «Русские: история и этнография»⁴, правда, на освещение всех вопросов, связанных с семейными отношениями в домонгольском периоде, там отведено 3,5 страницы из 750. Но в целом, за последние годы можно отметить существенное расширение источниковой базы (за счет данных археологии и берестяных грамот), отказ от идеологизации истории, большее внимание к влиянию социально-экономических факторов

¹ См. напр.: Долгов В. Быт и нравы Древней Руси. — М., 2007; Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. — СПб., 2001; Богданов А. П. Княгиня Ольга. — М., 2005; Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). — М., 2001.

² Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладоги скандинавам. — М., 1994.

³ См. напр.: Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX — XIV вв. — М., 2003; Нижник Н. С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества. — М., 2003; Цыпин В. А. Церковное право. — М., 1996.

⁴ Русские: история и этнография. — М., 2008.

на ход истории.

Очевидно, что интерес к проблеме семейно-брачных отношений в Древней Руси, особенно к духовной и личностной (любовь, секс и т.п.) составляющей, растёт. Тем не менее, вопрос далеко не исчерпан: обобщающей работы, охватывающей полный спектр вопросов и максимально доступный круг источников по истории древнерусской семьи пока не появилось. Более того, семья домонгольского периода зачастую продолжает рассматриваться, как проходной этап к более позднему хронологическому периоду.

На этом фоне хотелось бы отметить работу С.В.Омельянчук по изучению семейных отношений в Древнерусском государстве. В своей диссертации¹ исследовательница, опираясь на значительный круг источников, среди которых — летописные, эпистолярные (берестяные грамоты, древнерусские надписи на стенах храма Святой Софии в Киеве), правовые (памятники древнерусского светского и канонического права, византийские кодексы), канонические (Библия, церковно-учительная литература, древнерусские грамоты и послания канонического содержания), литературные (церковные и светские), а так же переводные иностранные источники, проводит комплексный анализ становления и развития брачно-семейных отношений в Древней Руси IX — XIII веков, а также регулировавших их морально-нравственных и правовых норм. Конечно, не со всеми выво-

¹ Омельянчук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX — XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Тамбов, 2009.

дами автора мы готовы согласиться. К примеру, автор выделяет в Древней Руси четыре типа семьи — большая или патриархальная; малая, состоящая из родителей и их неженатых детей; неразделенная, представляющая собой кратковременное объединение нескольких малых семей, связанных родственными отношениями, в кризисной ситуации; расширенная, возникавшая в результате объединения малой семьи и отдельных родственников из других распавшихся семей. На наш взгляд, неразделённая и расширенная (в терминологии С.В.Омельянчук) семьи — это искусственные объединения, существовавшие непродолжительное время и формировавшиеся под влиянием тех или иных, чаще негативных, обстоятельств, и уже только поэтому они не могут претендовать на статус полноценного семейного коллектива. Скорее, здесь можно говорить о пережитках большой семьи, когда в силу каких-либо невзгод родственники собирались «под крылом» более сильного из их числа, преследуя одну цель — выживание. Спорен и вывод исследовательницы о существовании двух разновидностей брачного союза — полигамной, присущей, в основном, древнерусской знати, и моногамной, преобладавшей среди низших слоёв. Как мы увидим при анализе источников, многоженство вполне процветало и среди верхушки общества, и стремившихся подражать ей рядовых массах населения (то же самое можно сказать и о моногамии). Кроме того, к недостаткам работы можно отнести и отсутствие в перечне использованных источников данных археологических исследований. И, тем не менее, в данный момент, на наш взгляд, работа С.В.Омельянчук — наиболее полное обобщающее исследование семейных отношений в домонгольской Руси,

охватывающее широкий круг вопросов: от типологии семьи до личных и имущественных отношений между непрямыми родственниками.

В своей работе, также обобщая опыт предшественников, мы рассмотрим ряд вопросов брака и семьи у восточных славян и формирующегося русского народа в период с VIII по первую половину XIII вв., то есть непосредственно накануне образования Киевского государства, в процессе его дальнейшего укрепления, ослабления и распада. Верхний предел изучаемой эпохи — нашествие монголо-татарских войск, после которого семейные отношения претерпевают значительные изменения и принимают облик, сохранявшийся вплоть до XIX века, причем некоторые детали присутствуют и в современном российском представлении о браке и семейном укладе. А вот относительно нижней границы исследования необходимо пояснить более детально. VIII век — это время, о котором можно делать более или менее обоснованные выводы, опираясь на достаточное количество источников, тогда как рассуждать о семейно-брачных отношениях в более древнем периоде — уже из области догадок. Кроме того, VIII век — это эпоха расцвета у восточнославянских племен одной формы общественного строя — большой патриархальной семьи и, одновременно, начала ее трансформации — перехода к малым индивидуальным семьям. Понимание того, как шел этот процесс, как он прослеживается в различных источниках, немаловажно для исследователя, тем более что период с VIII по начало XIII вв. крайне беден источниками, подобными позднему «Домострою» и посвященным ведению хозяйства и организации внутренней жизни семьи. Поэтому мы будем использовать и свиде-

тельства, на первый взгляд, далекие от темы брака и семьи, но позволяющие проводить исторические параллели, строить аналогии. Это, конечно, несколько снижает достоверность полученной в итоге картины, но, как говорится, вариантов нет.

Цель нашего исследования — реконструкция картины семейно-брачных отношений у восточных славян и русов в VIII — 1-й трети XIII вв., а основными задачами будут: выявление источников, содержащих сведения об изучаемом предмете; анализ письменных известий о семейно-брачных отношениях, изучение эволюции этих отношений с VIII по 1-ю треть XIII вв.; характеристика отношений внутри моногамной семьи (XI — XIII вв.).

Мы попытаемся обобщить выводы трудов предшественников и на основе довольно широкого круга источников составить представление о семейно-брачных отношениях в Древнерусском государстве домонгольского периода: от вступления в брак и отношений между молодоженами до распада семьи (в результате развода супругов или естественной смерти одного из них). Кроме того, дадим оценку той роли, которую играла христианская церковь в вопросах реформирования и развития семейно-брачных отношений домонгольской Руси.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

К сожалению, дошедшие до нас письменные источники, содержащие сведения, относящиеся к данному периоду истории восточнославянских народов, весьма скудны и лаконичны. Причем подавляющее их большинство принадлежит восточным и византийским авторам, никогда не бывавшим в землях, заселенных восточными славянами. Это само по себе ставит вопрос о достоверности сообщаемых сведений, так как информацию они получали, в основном, из третьих рук (от купцов, послов, путешественников и т.п.). Кроме того, значительная часть этих свидетельств принадлежит либо к более раннему («Стратегикон» Псевдо-Маврикия (конец VI — начало VII вв.)), либо к более позднему времени, когда уже существовало Древнерусское государство: Гардизи (начало 50-х гг. XI в.); Аль-Мукаддиси (1126 г.); Мухаммед Ауфи (1-я треть XIII в.). Таким образом, опираясь на них, можно делать какие-либо выводы весьма осторожно, предполагая, что какие-то элементы семейно-брачных отношений VI века могли присутствовать у славян VIII — X вв., либо же в нравах и обычаях русского народа XII — XIII вв. можно увидеть архаичные явления. Также вполне возможно, что авторы XI — XIII вв. использовали, как основу для своих произведений, труды предшественни-

ков, что также чревато искажением реальности.

Лишь немногие авторы являлись современниками описываемых ими событий. Это Ибн Русте (IX — начало X вв.), Ахмед Ибн-Фадлан (1-я половина X в.), Константин Багрянородный (середина X в.), Лев Диакон (2-я половина X в.). Но при работе с их трудами необходимо постоянно помнить о значительной тенденциозности византийцев в описании своих северных соседей — варваров.

Свидетельства восточных авторов, прежде всего, отражают внешнюю сторону жизни восточнославянских народов, противопоставляют «простоту» их нравов «испорченности» цивилизованных народов. Арабские источники высоко оценивают обхождение славян с пленными, которым оставлена жизнь, отмечают отсутствие рабства в классической форме. Они описывают те явления в жизни населения Восточной Европы, которые для них необычны — погребальные обряды, торжества и т. д. Но внутренний мир человека, скрытая от постороннего взгляда жизнь семьи остаются для них недоступными и потому не находят отражения в источниках. Специализированных трудов, посвященных описанию общественного строя восточных славян, их семейного уклада у древних авторов нет. Поэтому отдельные сведения можно найти в военных («Стратегикон» Псевдо-Маврикия), географических, политических («Об управлении империей» Константина Багрянородного) и иных, казалось бы, «непрофильных» трактатах («История» Льва Диакона).

Анализ свидетельств арабских авторов осложняется и тем, что в них одновременно упоминаются два различных народа — славяне (о них, кроме уже указанных авто-

ров, говорит Аль-Масуди) и русы (сведения о них имеются у Аль-Истахри, Ибн Хаукаля, Аль-Марвази, Аль-Идриси, а также в анонимном сочинении «Худуд ал-Алам»), — и не всегда возможно определить, о каком из них конкретно в данном случае идет речь. Кроме того, совершенно непонятно, говорится ли в этих источниках обо всей массе населения (славянской), или только о верхушке общества, которая формируется из представителей скандинавов, именно в это время активно колонизирующих славянские территории.

Особенно трудно разбирать сведения, сообщаемые Ибн Фадланом. Он постоянно смешивает увиденное им в стране волжских булгар со славянскими обычаями, а нравы славян часто переносит на особенности народа русов, и наоборот. Поэтому именно в «Книге Ахмеда Ибн Фадлана» в ряде случаев сложно понять, о каком народе в данном сюжете идет речь. Эту традицию заимствовали и более поздние авторы, в частности, влияние Ибн Фадлана значительно прослеживается у Аль-Истахри и Ибн Хаукаля. Кроме того, сообщаемые Ибн Фадланом и его последователями сведения относятся только к верхушке народа русов и, соответственно, их нельзя переносить на обычаи основной массы населения молодого Древнерусского государства. Ну и, конечно же, нельзя забывать о традиционном для всех путешественников желании прихвастнуть увиденным перед читателями, приукрасить или, наоборот, выставить в негативном свете отдельные моменты повествования.

Сложна для анализа и также заслуживает критического к себе отношения и первая русская летопись (составленная, к тому же, лишь в конце XI — начале XII вв.) — Повесть временных лет. Если в целом на иноземных

авторов нравы славян производили благоприятное впечатление, то летописец — христианин, которому всё языческое чуждо, поэтому он вовсе не так снисходителен к древним славянским обычаям. Всё, что не соответствует христианскому вероучению и нормам морали, для него — «звериньский» обычай¹. Кроме того, летописцу гораздо интереснее история политическая, а вопросы социальные для него — дело десятое. Но ценность Повести временных лет в том, что именно из неё мы узнаем, что даже в начале XII века (через полтора столетия после крещения!) Русь во многом оставалась языческой, в том числе и в области семьи и брака. Сведения летописи дают нам возможность для ретроспекции (перенесения событий более поздних на более раннее время).

С XI века возрастает количество письменных источников, освещающих положение в семье ее членов. Теперь это не только и не столько летописи, отражающие, главным образом, политическую историю, черты жизни княжеской семьи, не свидетельства иноземцев, но и подлинные законодательные акты, содержащие, кроме прочего, статьи, посвященные семейному праву. Это и древнейший свод русских законов «Русская Правда» в Краткой (около 1016 г.) и, особенно ценной для нас, Пространной (1-я четверть XII в.) Редакциях. В последней, в частности, заключены нормы, регулирующие процесс совместного владения имуществом супругов и его раздела в случае распада семьи. Появляются Церковные Уставы великих князей: «Устав князя Владимира Святославича» (начало XI в.), «Устав Ярослава

¹ ПСРЛ. Т.1. — С.13—14.

о церковных судах» (1051 — 1054 гг.), «Устав Владимира Всеволодича» (1113 г.) и ряд других. Одна проблема — все эти источники показывают лишь идеальную, желательную для законодателя картину, поэтому строить на их основе какие-либо выводы можно лишь с оговоркой о том, что реальная жизнь населения могла быть несколько иной.

Отдельные сведения о семье можно найти в литературных памятниках, таких как «Житие Феодосия Печерского», «Слово Даниила Заточника» и др. Кроме того, появление на Руси православия дает нам новый формат — «послания» и «поучения» духовных лиц, например «Послание митрополита Фотия в Новгород», «Поучение новгородского архиепископа Ильи» (XI в.), «Правило Кирилла, митрополита русского», «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского» (1130 — 1156 гг.) и т. д. В них представители высшего духовенства в доступной форме «вопрос-ответ» дают пояснения, как поступать в том или ином случае, возникающем в повседневной жизни паствы.

В процессе работы мы обратимся и к свидетельствам некоторых зарубежных источников — скандинавских и исландских саг. Это «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда (ок. 1190 г), «Обзор саг о королях Норвегии» («Агрип», ок. 1190 г), «Гнилая кожа» (1217 — 1220 гг.), «Круг земной» Снорри Стурлусона (1220 — 1230 гг.) и ряд других. Основное достоинство этих источников в том, что они созданы фактически одновременно с описываемыми событиями (или же по горячим следам) их очевидцами, непосредственными участниками, либо с их слов. Но следует помнить о том, что саги, преимущественно, описывают жизнь великокняжеской и дружинной, то есть

скандинавской, среды. Кроме того, вполне возможно умозрительное перенесение авторами некоторых норм, существовавших в Скандинавии, на порядки в Древней Руси.

Кроме того, для дополнительной аргументации мы будем использовать в работе результаты археологических исследований — разведок и раскопок городских и сельских поселений, курганных и грунтовых могильников древнерусского периода, которые, на наш взгляд, способны наглядно подтвердить или опровергнуть сведения, полученные из других источников. К примеру, жизнь широких слоев населения хорошо прослеживается по берестяным грамотам, которые представляют масштабное поле для изучения (только в Новгороде и только за один археологический сезон 1998 года их было открыто 93 штуки, а общее количество обнаруженных грамот составляет более тысячи единиц!). А ещё они показывают, как на практике реализовывались идеальные церковные представления о семейном укладе.

Давайте же попробуем, опираясь на перечисленные источники, воссоздать картину семейной жизни человека в Древнерусском государстве до вторжения монгольских войск.

ГЛАВА 2. БРАК И СЕМЬЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН VIII — КОНЦА X ВВ.

Чтобы разобраться в проблеме семьи и брака, давайте сначала немного пройдемся по общетеоретическим вопросам и поймем, какие в целом общественные отношения сложились у восточнославянских племен к V — IX вв. Здесь нам помогут известия иностранных авторов, анализ сведений Повести временных лет и данные археологии. Начнем с последних.

Многие исследователи (П.Н.Третьяков, В.В.Мавродин и др.) пытались использовать для определения уровня общественных отношений у восточных славян размеры и типы жилых и общественных сооружений. Например, В.В.Мавродин считает одним из основных признаков семейной общины маленькое городище с несколькими землянками или наземными домами, служившими жилищем для нескольких десятков человек близких родственников¹. Крупные дома в нижних горизонтах культурного слоя в Старой Ладогe или связанная переходами, как это одно время считали, система жилищ на роменско-боршевских поселениях рассматривались как признак суще-

¹ Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. — С.45.

ствования у восточных славян патриархальной семейной общины. Однако сами по себе размеры жилищ не могут определять характер обитавших в них семей. К тому же предположение о связанных между собой роменских жилищах оказалось ошибочным, а старолadoжские большие дома отражают этнографические, а не социальные особенности их обитателей¹.

Более чёткое представление об основной социальной организации восточных славян дают особенности погребальных сооружений. Весьма вероятно, что создание таких коллективных погребальных насыпей, как длинные курганы на территории кривичей (VI — IX вв.) и сопки в Приильменье (VIII — X вв.), в том числе, около четырех десятков сопок в Старой Ладоге², отражает общественное строение племен, оставивших эти усыпальницы. Они могли принадлежать только большой патриархальной семье — крупному брачно-родственному коллективу, ведшему в сложных условиях лесной зоны Восточной Европы общее хозяйство (освоение новых земель, очистка от леса пахотных участков и т.п.).

В VI — VII вв. и в южных районах восточнославянского расселения сохранились ещё такие крупные патриархальные семейные коллективы. Об этом говорят и курганы с большим числом захоронений, и гнездовой характер расположения поселений. Исследователь славянских древностей в Молдавии И. А. Рафалович полагает, что на существование патриархальных общин

¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI — XIII вв. — С.243.

² См.: Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX—XI вв. — С.15.

у славян середины и третьей четверти I тысячелетия н.э. указывают и малые размеры поселений, и их планировка, и единичность производственных комплексов¹.

В целом третью четверть I тысячелетия н.э. можно считать переходным этапом от семейной общины к территориальной, соседской.

И.И.Ляпушкин, обобщая результаты исследований памятников роменской культуры (VIII — X вв.), пришел к заключению, что в жилищах на этих поселениях жило по 4—6 человек, т.е. малая семья. Бытовой и хозяйственный инвентарь и запасы продовольствия, обнаруженные в этих жилищах, говорят о том, что этот небольшой коллектив вел индивидуальное хозяйство. Следов коллективной деятельности, которые могли бы свидетельствовать о существовании патриархальной общины, среди материалов роменской культуры не наблюдается².

Если обратиться к материалам других восточнославянских поселений, синхронных роменским, то нигде каких-либо следов большой патриархальной общины уже нельзя обнаружить. Исследования жилищ и находок в них, как в южной, так и в северной части восточнославянской территории свидетельствуют о том, что главной социальной организацией славян была малая семья и территориальная община. Это подтверждают и материалы могильников. В VIII — IX вв. на смену коллективным погребальным усыпальницам всюду приходят небольшие по размерам курганы с индивидуальными (семейны-

¹ Рафалович И. А. Славяне VI — IX вв. в Молдавии. — С.229—231.

² Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое// Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. — С.224—226.

ми) захоронениями.

Сложно сказать, когда и как происходил у славян распад большесемейной общины. Возникновение в VI — VII вв. таких поселений, как городища Зимно на Волини, Пастырское в Черкасской области Украины и др. показывает, что патриархальная семья в ряде мест восточнославянского ареала начала распадаться уже в третьей четверти I тысячелетия н.э.

А вот по данным погребений видно, что большая патриархальная семья у восточных славян существовала вплоть до VIII — IX вв. Очевидно, что в течение длительного времени на восточнославянской территории сосуществовали несколько форм общественной организации. Параллельно малым семьям, входившим в территориальную общину, сохранялись большие семейные коллективы, ведущие хозяйственную деятельность общими усилиями (семейные общины под названием «дворищ» в Полесье и «печищ» на севере сохранялись вплоть до XVII — XVIII вв. и даже позднее). Сохранение таких коллективов было обусловлено самими условиями жизни в лесной полосе, необходимостью осваивать лес под пашню и т. п.

Основной социальной организацией восточнославянского общества постепенно становилась сельская община. Она объединяла людей не по родственному, а по территориально-хозяйственному принципу, хотя в ее состав, очевидно, входили, прежде всего, близкие родственники¹. Из семейной общины («верви») выделяется ряд малых семей, отдельных брачных пар, уже ставших

¹ Седов В. В. Восточные славяне... — С.244.

хозяйственно самостоятельными единицами. Отдельные малые семьи, вооруженные новой земледельческой техникой, расходятся из старого общинного центра во все стороны, выжигая и выкорчевывая леса под пашню, заселяя и осваивая ранее пустынные пространства. Здесь на новых землях они владели всем, «куда топор, коса, соха ходили», ставя свои «знамения» на дубах и соснах, на бортовых деревьях, оберегая свои уголья от «чужаков», сходясь с ними лишь на «игрища межы села», умыкая невест и собираясь на религиозные празднества.

Подобное расселение впоследствии привело к появлению так называемых «гнёзд», состоящих из двух-пяти поселений (селищ), расположенных компактно (на территории в поперечнике до 2 км), и «кустов», включающих несколько «гнёзд», располагающихся на сравнительно небольших (как правило, 2—4 км) расстояниях друг от друга¹. Конечно, возникновение подобного способа расселения далеко не всегда связано исключительно с распадом больших семейных коллективов, а могло быть обусловлено конкретными природными условиями, отсутствием подходящих площадок для устройства крупных поселений. Зачастую именно стремление к компактному проживанию, и, одновременно, невозможность обеспечить его на одном поселении при пересеченном рельефе, по мнению Н.А.Макарова, и приводило к образованию групп из близко расположенных селищ². Но,

¹ Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. — С.125.

² Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. — С.164.

очевидно, отношения внутри «гнёзд» и между ними всё больше строились на соседской, а не родственной основе.

Таким образом, особенностью общественного строя восточных славян в VIII — IX вв., которую необходимо учитывать при рассмотрении частных вопросов, касающихся семьи и положения в ней и в древнерусском обществе в целом отдельных ее членов, являлся переход от большой семейной общины к малой соседской. Кстати, смена семейной общины соседской отразилась и на верованиях языческих славян: по мере перехода к индивидуальным семьям божества Род и Рожаницы (покровители рода в целом) отходят на второй план, а их место занимают покровители отдельных семей — домовые.

Давайте же теперь от общетеоретических, хотя и крайне важных, вопросов перейдём к анализу конкретных свидетельств иноземных авторов о семейных обычаях славян. К сожалению, мы сразу вынуждены констатировать, что сведений этих немного, они крайне скудны, а выводы, сделанные на их основе, изобилуют различными допущениями.

Первое, что отмечали иностранцы (в частности, Псевдо-Маврикий в своем военном трактате «Стратегикон»), была преданность славянских женщин своим мужьям. В качестве аргумента приводился факт добровольного душения вдовы на могиле супруга¹. Однако вполне возможно, что перед нами — не красивое выражение супружеской верности, а лишь отчаянный шаг женщины из-

¹ Материалы по истории СССР. Вып.1. — С.156.

за невозможности дальнейшего существования, например, в связи с отсутствием каких-либо прав на имущество после смерти кормильца. Ещё одно предположение, которое напрашивается из этого же свидетельства византийского автора — наличие у населения Восточной Европы моногамной семьи, так как упоминается одна вдова. Но не исключено, что семья эта все же полигамная, так как позднейшие источники говорят именно о полигамной семье, а Псевдо-Маврикий, скорее всего, узнал об обряде удушения вдовы от третьих лиц, которые просто не объяснили ему, что у покойного было ещё несколько жен.

Вслед за «Стратегиконом» наступает разрыв в наличии письменных источников, продолжающийся вплоть до IX века. Следующим подробно описывает славянский обряд погребения Ибн Русте (1-я половина X в.): «Женщины же, когда случается у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся». Далее у арабского автора следует подробное описание самоубийства вдовы, в котором мы видим прямое указание на существование у славянских племен многоженства: «И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекаладины веревку, она становится на скамейку и конец

[веревки] завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает»¹. По-видимому, обряд совместного сожжения мужа и жены, кроме чисто житейского (отсутствие средств существования у вдовы), несет в себе и религиозный смысл. Скорее всего, мужчина не мог достичь полного счастья в потустороннем мире без женщины, он не должен был испытывать недостатка в необходимых ему вещах даже после смерти, будь то оружие, пища или жена. Это подтверждает и Аль-Масуди (X в.), который тоже говорит о существовании у славян обычая ритуального самосожжения вдовы: «Когда умирает муж, сжигается с ним жена его, а она — живая». Хотя он и указывает, что подобный обычай нужен, дабы женщина могла попасть в рай («жены их стремятся к самосожжению, чтобы войти в рай»), очевидно, что ритуал совершался именно для достижения блаженства женщиной: «Если умер у них кто неженатый, женят его посмертно». Получается, что обычай добровольного самоубийства вдовы (или посмертный свадебный обряд) — целиком в интересах мужчины, потому что женщине, чтобы достичь загробного счастья, достаточно было выйти замуж вторично и взойти на погребальный костер второго (и любого последующего) мужа уже в преклонном возрасте. Тем более что «если умирает жена, муж не сжигается»².

¹ Цит. по: Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение. — С.388.

² Цит. по: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Евро-

В своем свидетельстве Ибн Русте, возможно, указывает на большую патриархальную семью, так как смерть одного человека становится трагедией для всего рода. Тем более, если под поминальным пиром автор подразумевает тризну (набор действий, включающих как погребальный пир, так и различные действия — песни, пляски и различные состязания), то в ней непременно должны участвовать и мужчины (отец, братья, сыновья умершего), и женщины, которые и упоминаются. Но если тут имеется в виду не тризна, а только трава (поминальная трапеза), то тогда понятно упоминание в погребальной церемонии исключительно женщин — нескольких жен покойного и, возможно, его незамужних дочерей. Но тогда уже это не большая, а малая индивидуальная семья, полигамная по своему устройству.

Говоря о славянах начала IX века, Гардизи в своем произведении «Краса повествований» отмечает, что «между ними распространены прелюбодеяния, и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним, и когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает». Но тут же отмечает, что, хотя прелюбодейство и было распространено, среди замужних женщин оно не допускалось: «Если же, став женой, предается прелюбодеянию, то убивает ее, не принимая извинений»¹.

Таким образом, можно предположить, что женщина, пользовавшаяся до свадьбы известной свободой, после нее становилась полной собственностью мужа, который

пе. Т. II. — С.114.

¹ Цит. по: Новосельцев А. П. Древнерусское государство... — С.390.

был вправе распоряжаться ее жизнью.

Интересно отметить, что существует и несколько иной перевод данного свидетельства арабского автора, к примеру, у В.В.Бартольда: «Прелюбодеяний между ними не бывает...». И далее: «Если кто-нибудь совершит прелюбодеяние с замужней женщиной, то его убивают [по-видимому, родственники женщины], не принимая от него никаких извинений»¹.

Но встает вопрос: не идеализирует ли Гардизи истинное положение вещей? Ведь даже в Повести временных лет упоминаются «игрища межю селы»², в которых, по-видимому, участвовали и женщины. А в «Уставе Ярослава о церковных судах» (1051 — 1054 гг.) одним из поводов к разводу является самостоятельное (без разрешения супруга) участие замужней женщины в подобных «игрищах»³. Скорее всего, супруги могли присутствовать на этих «игрищах» только совместно. Кроме того, нигде в памятниках письменности (ни в литературных, ни в законодательных) не отражен факт продажи или убийства женщины из-за потери ею невинности. К тому же, если брать за основу перевод В.В.Бартольда, то получается, что в обычном праве восточных славян был уже достаточно развит институт защиты чести замужней женщины — матери семейства. По-видимому, ещё до принятия христианства в обычаях некоторых славянских племен наметилась тенденция к утверждению моногамной семьи. В любом случае, к свидетельству Гардизи необхо-

¹ Цит. по: Заходер Б. Н. Каспийский свод... — С.125.

² ПСРЛ. Т.1. — С.13—14.

³ Законодательство Древней Руси. — С.192.

димо относиться критически.

Но если на иноземных авторов нравы и обычаи языческих славян производили, в целом, благоприятное впечатление, то первый русский летописец вовсе не так к ним благосклонен. За исключением полян, все славянские племена у него описаны черными красками: «Поляне бо своих оць обычаи имуть, кротокъ и тихъ, и стыденъе къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ мтрмъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденъе имеху, брачный обычаи имяху, не хожеше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче, а Древляне живяху звериньскимъ образомъ, жиоуще скотъски, оубиваху другъ друга, едяху вся нечисто, и брака оу нихъ не бываше. но оумыкываху оу воды двця, и радимичи и Вятичи, и Северъ одинъ обычаи имяху, живяху в лесе, такоже всякий зверь, едуще все нечисто, срамословье в ни предъ отьци и предъ снохами, браци не бываху въ ни, и игрища межю селы схожахуся, на игрища на плясанье и на вся бесовьскае игрища, и ту оумыкаху жены собе, с неуже кто съвещашесе, имяху же по две и по три жены»¹.

В этой части летописи прослеживается существование у восточных славян большой патриархальной семьи (так как перечисляются родственники трех поколений, живущие, по всей видимости, совместно). Эта семья сохраняется у отдельных групп восточных славян до начала XII века. Также летописец указывает на наличие брачного обряда двух видов: 1) более архаичный — сговор между родами («межю селы») у древлян, ради-

¹ ПСРЛ. Т.1. — С.13—14.

мичей, вятичей и северян с последующим «умыканием» невест; 2) более «цивилизованный» обычай у полян, когда невесту приводили родичи в дом жениха. Здесь же содержится и первое указание на приношение вместе с невестой приданого («приношаху по ней, что вдадуче»). Подробнее вопрос о приданом мы рассмотрим ниже.

С.М.Соловьев в своей «Истории России» справедливо подмечает, что «летописец преимущественно обращает внимание на семейные нравы и обычаи племен, в них полагает различие между последними. Основа семьи — это брак; отсюда понятно, как важно было различие во взгляде на это явление у разных племен; это-то различие в обычае брака летописец и приводит как основное нравственное различие между племенами»¹. Но неверно будет вслед за монахом начала XII века отрицать вообще существование института брака у перечисленных им славянских племен. Говоря так, он имеет в виду законные формы церковного брака и привычную ему форму брачного обряда, когда родители жениха договариваются с родителями невесты о заключении брака. «Умыкание» же — древняя языческая форма брачного обряда, на что указывают предварительный сговор жениха с невестой и связь «умыкания» с языческими празднествами, например, у вятичей, радимичей и северян. У древлян «умыкание» совершалось «у воды» (озера, реки, родника), что подчеркивает её ритуальное значение в языческом свадебном обряде, сопровождаемом

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Книга I. История России с древнейших времен. — С.98.

дарами водяным божествам и трапезой с гаданиями. И эта роль «воды», скорее всего, обусловлена природными условиями жизни древлян. Из фольклора известна и другая форма свадебного обряда: вождение жениха и невесты вокруг дуба и ракиты, которые также имели ритуальное значение.

Эти формы языческих свадебных обрядов ещё долго держались в народной среде, не желавшей принимать церковного таинства бракосочетания, потому как даже в 70-х годах XI века митрополит Иоанн говорил об отлучении от церкви тех, кто вступает в брак без благословения церкви. Да и в начале XII века моногамный брак и свадебный обряд привода невесты в дом жениха были распространены лишь в Поднепровье, в земле полян.

Примечательно, кстати, отделение радимичей и вятичей от иных племен и совместное упоминание их в источниках. Их сходство отмечено и в ходе археологических раскопок, и в письменных источниках. Повесть временных лет ведет начало этих племенных союзов от двух братьев — Радима и Вятко. По-видимому, оба этих племени возникли в результате разделения одного рода, часть которого осела по реке Сож, а другая — по Оке. Упоминание же вместе с радимичами и вятичами северян, скорее всего, случайно.

Наряду со славянами, в арабских и византийских источниках упоминается народ русов (росов). Сразу оговоримся, что при рассмотрении особенностей семейно-брачных отношений этого народа мы будем опираться на теорию его скандинавского происхождения (т.н. норманнская теория). Поэтому ряд сведений о русах мы найдем и в скандинавских и исландских сагах, данные которых будем сопоставлять со свидетельствами первого рус-

ского летописца, выявляя определенные параллели или же, наоборот, противоречия.

Восточные авторы, описывая традиции народа русов, отмечали особенности обряда погребения: «Когда у них [русов] умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»¹. Ибн Русте указывает на существование в начале X века многоженства у русов («любимую жену»), а также, как и у славян, на необходимость «присутствия» жены для достижения счастья в загробной жизни. Кроме того, у Ибн Русте, Аль-Мукаддиси и Гардизи есть первые упоминания о порядке наследования имущества среди русов: «И если рождается [у них] сын, извлекают меч, кладут возле него, и отец говорит: «У меня нет ни золота, ни серебра, ни скота, чтобы оставить тебе в наследство. Вот твое наследство, сам себе [все] добудь мечом»². Более того, Аль-Марвази (конец XI — начало XII вв.) и Мухаммед Ауфи говорят о том, что правом наследовать имущество главы семьи обладали у русов, в первую очередь, женщины (дочери), в то время как сыну доставался в наследство все тот же меч: «Они [росы] многочисленны и рассматривают меч как средство существования. Если умирает у них человек

¹ Новосельцев А. П. Древнерусское государство... — С.398.

² Новосельцев А. П. Древнерусское государство... — С.399.

и оставляет дочерей и сыновей, то все имущество достается дочерям, сыновьям же дают только меч и говорят: «Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру»¹. А это уже — указание на наличие пережитков матриархата у русов. Правда, в дальнейшем, в статьях «Русской Правды» эта норма претерпит значительные изменения.

Совершенно иной обряд погребения знатных русов описывает Ибн Фадлан, а вслед за ним — Аль-Истахри, Аль-Идриси, «Худуд ал-Алам» и Ибн Хаукаль. У последнего, в частности, описание краткое, но ёмкое: «Рус есть народ, который сожигает своих мертвецов. С богатыми же из них сожигаются их жены для блаженства их [имеются в виду мужчины, как и у славян] душ»².

А вот «Книга Ахмеда Ибн Фадлана» описывает обряд погребения холостого знатного руса куда более подробно, превращая это действие в своего рода свадьбу. Выбором «невесты» для умершего занималась его семья, но последнее слово оставалось всегда за самой новообрачной, являлось сугубо добровольным делом: «Если умрет главарь, то его семья скажет его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» говорит кто-либо из них: «Я». [...] Большинство из тех, кто так делает, — девушки». Но, назвавшись невестой добровольно, отказаться от своих слов девушка не имеет права. В дни, когда идут приготовления к погребению, «невесте» оказываются такие же почести, как если бы она выходила замуж за живого человека: «А девушка, которая сожжет

¹ Новосельцев А. П. Древнерусское государство... — С.400.

² Заходер Б. Н. Каспийский свод... — С.103.

сама себя с ним в эти 10 дней пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями и, так нарядившись, отдается людям»¹. Обряд совокупления родственников (и не только) умершего с его невестой, по Ибн Фадлану, — неотъемлемая часть посмертного свадебного обряда русов: «А девушка, которая хотела быть убитой, разукрасившись, отправляется к шалашам родственников умершего, ходя туда и сюда, входит в каждый из их шалашей, причем с ней сочетается хозяин шалаша и говорит ей громким голосом [видимо для того, чтобы слышал умерший]: «Скажи своему господину: «Право же, я совершил это из любви и дружбы к тебе». И таким же образом, по мере того как она проходит до конца шалаша, также остальные с ней сочетаются». По мнению А.П.Ковалевского, этот обряд — пример переживания группового брака у русов².

Но вот на десятый день покойник извлечен из временной могилы и помещен в шатер на подготовленной к сожжению ладье. К кораблю подводят невесту, мужчины берут ее на руки и трижды поднимают выше палубы корабля. Она же в это время произносит ритуальные слова: « [...] Вот я вижу своего отца и свою мать», — и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие»³. Родители и родственники девушки упоминаются здесь не случайно. Поскольку обряд похорон руса представлял собой свадьбу, то девушка через него

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — С.143.

² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана... — С.144.

³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана... — С.144.

становилась законной женой умершего. Следовательно, на «свадьбе» необходимо присутствие и родственников со стороны невесты, и если бы она их не «видела», и они не оказались находящимися где-то вместе с ее будущим мужем, свадьба, пожалуй, не состоялась бы.

А.П.Ковалевский считает, что эта девушка не могла быть рабыней покойного, так как, в противном случае, никого из окружающих русов не интересовали бы её родственники (которых, возможно, «новобрачный» убил при захвате её в рабство)¹. Однако Т. М.Калинина, анализируя терминологию арабского автора, считает, что девушка, хотя и не являлась рабыней, не была и свободной в полном смысле этого слова². Она подчеркивает, что Ибн Фадлан называет эту девушку «джарийа», что в переводе с арабского обозначает «невольница», «наложница», «прислуга», в то время как умерший часто именуется её «господином». По мнению Т.М.Калининой, термин «джарийа» аналогичен древнерусскому «девка», использовавшемуся для обозначения дворовых служанок, которые выполняли различную работу по дому, но в случае чего, могли быть и проданы.

По мнению А. Стальсберг, подтверждением того, что девушка, согласившаяся сопровождать умершего руса в загробном мире, не была его законной вдовой, является значительная доля парных захоронений среди скандинавских погребений на территории Древней Руси³. Мало-

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана... — С.254.

² Калинина Т. М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов. — С.136.

³ Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси. — С.75, 78.

вероятно, что оба супруга во всех случаях, как в сказке, «жили долго и счастливо, и умерли в один день». Скорее всего, вместе с мужем хоронили убитую наложницу. Тем более что в некоторых случаях выявлены погребения, где мужчина похоронен с двумя женщинами, и тут уж речь совершенно точно не о законных жёнах¹. Да и социальный статус знатных женщин в Скандинавии и на Руси был весьма высок (свидетельство тому мы находим, к примеру, в договорах русских князей с греками, о которых мы поговорим чуть ниже), чтобы вот так запросто в расцвете лет всходить на костёр, пусть даже и горячо любимого мужа.

Как бы то ни было, но добрая воля девушки заканчивалась для нее со вступлением на палубу погребальной ладьи. Для достижения загробного счастья мужчине нужна была женщина, и он её получал, несмотря на сопротивление «невесты». После последнего совокупления с шестью родственниками умершего в его присутствии, девушку клали рядом с телом «супруга» и умерщвляли. Вся эта церемония заглушалась шумом, ибо, когда девушка вошла в шалаш на ладье, «мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук её крика, впоследствии чего обеспокоились бы другие девушки и перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами»². Вот и ещё одно подтверждение тому, что для достижения загробного счастья мужчина не был так уж необходим женщине, как она ему. Хотя формально он

¹ См. напр.: Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове. — С.80.

² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана... — С.145.

считался «господином», а она — «рабой».

Результаты археологических раскопок подтверждают свидетельства восточных авторов о существенной роли женщины для достижения мужчиной благополучия в мире ином. Так, парные захоронения выявлены во всех крупных древнерусских некрополях: в Гнёздово (до 15% всех изученных погребений)¹ и в некрополе древнего Киева (погребение №120, вблизи Десятинной церкви, камерные погребения на Старокиевской горе, которые могут быть отнесены к периоду IX — X вв., и др.)², в Чернигове (например, курганы Гульбище и Безымянный, отнесенные Б.А.Рыбаковым к началу — 1-й половине X века, а также курган Черная могила, содержащий погребения двух воинов и женщины, датируемый не ранее середины X века)³ и неподалёку расположенной Шестовице (в том числе курган X, где П.И.Смоличевым найдено парное погребение, в котором мужчина, помещённый в камеру в сидячем положении, левой рукой обнимал женщину)⁴, в Тимерево Ярославской области (например, курганы 100 и 348)⁵, а также в Кветуни Брян-

¹ См. напр.: Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове. — С.79—84; Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX—XI вв. — С.19; Пушкина Т. А. Раскопки Гнездова Левобережного. — С.113—115.

² См.: Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX—XI вв. — С.7—8, 10—11.

³ Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX—XI вв. — С.13—14.

⁴ Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях. — С.131—132.

⁵ См. напр.: Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда

ской области (в кургане №6 мужчина захоронен с женщиной и молодой девушкой)¹.

Наблюдение Ибн Фадлана о том, что девушка, согласившаяся стать избранницей умершего руса, «украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями» также абсолютно справедливо. Погребальный набор свидетельствует, что женщину перед сожжением на костре наряжали не меньше, чем невесту на свадьбу. К примеру, в парном погребении у деревни Вахрушино Ленинградской области (курган СХVI, раскопки Н.Е.Бранденбурга) обнаружены, кроме прочего, овальная фибула с обрывком цепочки, бронзовый игольник, подвески-уточки, костяной гребень, браслеты, обломки перстня и подвесок, фрагмент проволоочной гривны, обрывки цепочек, многочисленные пастовые, сердоликовые и хрустальные бусы². В кургане Гульбище, кроме небольшого количества стеклянных бусин, найдено около двухсот слитков стекла, серебра и золота от расплавившихся украшений³. Нередки находки в курганах глиняных и шиферных пряслиц, проколов, остатков шёлковой, шерстяной и льняной одежды, в том числе, с золотыми нитями, височных колец, а также других предметов, необходимых и самой женщине, и для ведения совместного хозяйства в загробной жизни.

Само по себе любопытно и то количество родственников умершего, присутствующих на церемонии погребения

погребения в Ярославском Поволжье. — С.239; Зозуля С. С. Датировка камерного погребения №348 Тимеревского некрополя. — С.90.

¹ Шинаков Е. А. Камерные захоронения Среднего Подесенья. — С.83.

² Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях. — С.129.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — С.254.

бения вдали от родной Скандинавии. Либо в земле хазар во времена, описываемые Ибн Фадланом, существовала обширная поселенческая колония русов (аналогичная, к примеру, той, что образовалась в Гнёздово недалеко от Смоленска), либо в поход или торговую экспедицию отправлялись, преимущественно, члены одного родового клана, и в этом можно усматривать сохранение традиций большой семьи.

Интересно, что при анализе скандинавских и исландских саг можно увидеть, что в княжеских и дружинных семьях (как в самих скандинавских странах, так и на Востоке, в Гардарики) уже в X веке прочно закрепилась не только малая индивидуальная семья, но и традиция моногамии. Все без исключения авторы саг упоминают у конунгов только одну жену, которую, как правило, признают «мудрейшей из женщин»¹. Уважением к женщине — жене великого князя, конунга, матери его детей — пронизаны все скандинавские повествования. Княгине отводится огромная роль в решении государственных дел, за ней признается возможность влиять на политику княжеского дома и т. п. Подробнее вопрос о положении женщины в княжеской и дружинной семье мы рассмотрим ниже, а пока стоит отметить, что авторы саг, конечно, несколько идеализировали истинное положение вещей. Потому как, вырвавшись за пределы родных земель, скандинавы уже не столь ревностно придерживались единобрачия, что и было подмечено восточными авторами.

¹ См. напр.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. — С.30.

Кстати, не исключено, что обряд, о котором говорит Ибн Русте, и церемония погребения, описываемая Ибн Фадланом, — это две стороны одного и того же ритуала. Вполне возможно, что Ибн Русте мог знать только о первой стадии погребения, когда тело умершего руса клали в большую могилу на 10 дней, которые отводились на подготовку второй стадии — обряда кремации в ладье, и, следовательно, рассказал только о ней. Либо же, и это подтверждается данными археологии, в начале X века у русов сосуществовали несколько видов погребального обряда, в том числе — ингумация в больших камерах¹, кремация² и ингумация в ладье³. При этом чести быть похороненным в ладье или в камере с большим количеством вещей удостаивались представители верхушки общества (князья, дружинники), поэтому доля таких погребений в общей массе относительно невелика. Одним из примеров может служить курган №7 Центральной группы Гнёздово, раскопанный С.И.Сергеевым в 1900 г. Хотя курган остался существенно недокопанным, при анализе документации было установлено, что имела место кремация в ладье, а погребальный набор, содержащий как мужские, так и женские вещи, позволяет предположить наличие в нём парного захоронения⁴.

¹ См. напр.: Шинаков Е. А. От пращи до скрамасака: на пути к державе Рюриковичей. — С.128; Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. — С.20, 23–24.

² См. напр.: Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове. — С.76, 80, 82–83.; Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. — С.19.

³ Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. — С.17.

Камерное погребение мужчины и женщины, одно из самых богатых в Гнёздово, содержал так называемый «курган №97» (комплекс 14/VII-1899) из раскопок С.И.Сергеева (1899 г.)¹. А вот в гнёздовском кургане Л-47, содержавшем кремацию в ладье, присутствовала и материковая яма, предназначенная, по мнению Ю.Э.Жарнова, для «временной ингумации», описанной Ибн Фадланом².

На этом сведения письменных источников о славянах и руси до начала X века заканчиваются. Мы видим, что у восточнославянских племен сохранялась большая патриархальная семья, хотя в IX веке начался её постепенный распад и к соседской общине от общины семейной. В каждом славянском племени имелись собственные брачные обряды, при этом семьям было присуще многоженство. К сожалению, о брачных обычаях народа русов можно сказать ещё меньше. По-видимому, здесь также сохранялись традиции группового брака и полигамии, но постепенно (что видно из скандинавских и исландских sag) у русов начинает укрепляться малая индивидуальная семья и моногамный брак. В X веке традиции полигамии, по-видимому, сохраняются лишь у тех представителей народа русов, которые покинули Скандинавию и отправились в военные походы (или торговые экспедиции, что почти равнозначно) на Восток. Скорее всего, это следствие общения со славянскими племена-

⁴ Булкин В. А. Курган 7 из раскопок С.И.Сергеева в Гнёздове. — С.82—83.

¹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. — С.30.

² Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. — С.7.

ми, результат некоторой ассимиляции пришельцев-скандинавов. Кроме того, в среде русов значительную роль играли женщины, по крайней мере, для достижения благополучия мужчиной в потустороннем мире их присутствие являлось необходимым условием. Вполне возможно, что подобная роль женщины — свидетельство о наличии у народа русов пережитков матриархата, как на протяжении всего IX века, так и много позднее.

С первых десятилетий X века появляется гораздо больше сведений о положении семьи и её членов в молодом Древнерусском государстве. Основным источником информации о браке и семье X — начала XI веков является, конечно же, Повесть временных лет, содержащая в себе договоры русских князей с греками (Олега, 912 года и Игоря, 945 года). Кроме того, что эти договоры сами по себе — ценное свидетельство развития внутрисемейных отношений, они к тому же позволяют получить более полное представление о юридическом положении отдельных членов семьи. Но сразу оговоримся, что все эти сведения касаются, в первую очередь, русов, составлявших верхушку государства Древней Руси, а вот среди основной (славянской) массы населения картина семейных отношений наверняка была несколько иной.

Что же мы видим относительно интересующего нас вопроса в договорах Олега и Игоря с греками? В первую очередь, в семье русов заметно высокое положение женщины, главным образом, жены главы семейства. Так, по договору Олега с греками 912 года, жена русского имеет закреплённое законодательно право на свою долю в наследстве: «Аще кто убьеть или хрестьянина Русин, или хрестьянинъ Русина, да умереть, иде же аще сотворить убийство. Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще е

домовит, да часть его, сиречь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да иметь толицем же пребудеть по закону»¹. И мы снова отмечаем свидетельство, пусть даже и косвенное, о начале постепенного преобладания у русов моногамии (упоминание одной жены).

В договоре Олега впервые содержится указание на возможность составления человеком при жизни завещания своего имущества в чью-либо пользу («Аще ли сотворить обряжение таковыи, возметь уряженое его, кому будеть писал наследити именье его, да наследит е»²), а также на то, как поступать в случае отсутствия подобного завещания, с прямым указанием наследника: «Аще кто умреть, не урядивь своего именья, ци своих не имать, да възратить именье к малым ближикам в Русь»³. Мы видим, что преимущественным правом наследования при отсутствии «своих» (жены и детей) обладали младшие родственники, потому как старшие родичи наверняка способны достичь материального благополучия и без помощи умершего. Таким образом, ликвидировалась и внутриродовая борьба за наследство, терявшая всякий смысл.

Очевидно, что речь идет о малой индивидуальной семье, так как имущество покойного отходит не ко всему роду, а именно к его жене и детям. И это — ещё одно подтверждение того, что в первых десятилетиях X века в среде русов прочно закрепилась малая семья и монога-

¹ ПВЛ. — С.26.

² ПВЛ. — С.26.

³ ПВЛ. — С.28.

мия. Хотя, возможно, на характер этого договора повлияло византийское право, и его автор-византиец не мыслил себе другой семьи, кроме моногамной.

Договор Игоря с греками (945 год) впервые содержит сведения о существовании среди русов кровной мести, не знающей сроков давности: «Аще убьеть хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и»¹. «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха бенедиктинского Тингейрарского монастыря Одда Сноррасона (ок. 1190 г.) отмечает, что правом на отмщение обладали все родственники убитого, независимо от возраста, а также его близкие друзья: «... и хотел отомстить за своего воспитателя. Дали ему в руки большой топор, чтобы зарубить этого человека. Олаву было тогда 9 лет»² (Олав Трюггвасон родился в 968 или 969 г.). И хотя уже в договоре 945 года видны первые попытки обуздать кровную месть с помощью компенсации имуществом убийцы, полностью кровная месть исчезнет лишь через многие десятилетия после принятия Русью христианства.

Договор Игоря указывает, что в особо важных делах, при решении которых личное присутствие родичей (и дальних, и ближних) было невозможно, они могли выдвигать своих представителей, выражавших их волю. И этим правом обладали в равной мере, как мужчины, так и женщины (жены, возможно, вдовы, а также сестры), а кроме того — и младшие члены семьи (дети при живых родителях): «Мы от рода русаго съли и гостье,

¹ ПВЛ. — С.34.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.32.

Иворъ, слъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; ...; Каницаръ Передьславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ жены Улебле; ...; Прастенъ Акунъ, нети Игоревъ...»¹.

Вне всякого сомнения, особое место в изучении семейно-брачных отношений в Древней Руси занимает феномен княгини Ольги, подобного которому русская история не знала вплоть до XVIII века. Личности княгини Ольги отведено немало места на страницах Повести временных лет, что позволяет нам многое сказать о положении княжеской жены в середине X века. Но сразу оговоримся, что подобный феномен во многом объясняется близостью великокняжеского дома к скандинавскому миру, в котором, согласно сведениям саг, жена великого князя (ярла, конунга) играла огромную роль, обладая не только финансовой самостоятельностью, но и возможностью влиять на внутреннюю и внешнюю политику, проводимую супругом.

Очевидно, что, кроме возможности представлять свои интересы за рубежом независимо от мужа посредством посланника, княгиня имела и более широкие полномочия, вплоть до созыва войска. Под 945-м годом ПВЛ содержит запись: «А Ольга возъвратися Киеву, и пристрой вой на прок ихъ». Более того, княжеская жена вполне могла быть и главнокомандующим во время военных походов («Ольга съ сыном своимъ Святославомъ собра вой много и храбры, и иде на Деревьску землю»²). Хотя это руководство войском было, скорее все-

¹ ПВЛ. — С.34.

го, формальным, а реальными полководцами выступали, конечно, профессиональные военные (воевода Свенельд). Жена великого князя являлась и вершителем судеб своих подданных (пример тому — расправа с древлянами). Княгиня обладала собственными землями — городами («бе бо Вышегородъ градъ Вользинъ»), сёлами («и есть село ее Ольжичи и до селе»¹), местами стоянок (т.н. погосты, «становища») и охот («ловища»). Эти владения позволяли ей не только быть материально независимой, но и содержать дружину своего мужа, перешедшую после смерти Игоря к его сыну, который в силу своего малолетства не мог этого делать самостоятельно («и иде Вольга по Дерьвьстеи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною»²). Наравне с князем, его жена обладала неоспоримым правом установления размеров податей, чему в летописи находится неоднократное подтверждение: «и възложиша на ня дань тяжьку»; «и иде Вольга [...], уставляющи уставы и уроки»; «иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани»³. Третья часть этих поступлений, собираемых с огромной территории, оставалась в распоряжении самой княгини: «две части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе»⁴. Нам остаётся только догадываться о том, как использовались эти огромные средства, но наверняка великая княгиня вела и активную торговую деятельность с иноземными державами («мы от рода рус-

² Пвл. — С.42.

¹ Пвл. — С.43.

² Пвл. — С.43.

³ Пвл. — С.43.

⁴ Пвл. — С.43.

каго съли и гостье»).

В отсутствие князя его жена решала и вопросы дипломатического характера («В лето 6463. Иде Ольга во Грекы и прииде Цесарюграду»¹), и даже великим византийским императорам приходилось с ней считаться («и присла к ней царь гречьский»²).

Таким образом, первая русская летопись чётко указывает на то, что великая княгиня обладала равными правами со своим мужем и вполне могла заменить супруга в случае его отсутствия или смерти. Возможно, конечно, что эти полномочия великая княгиня получала лишь в особых случаях. Как, например, в 945 году, когда обстоятельства (внезапная смерть супруга) вынудили Ольгу встать во главе государства и армии, чтобы сохранить власть для своего малолетнего сына. Поскольку старшие родственники (братья Игоря) отсутствовали, опекуном юного Святослава становится его мать. По-видимому, это не противоречило нормам обычного права и снимало все вопросы и споры о наследовании власти великого князя.

Однако скандинавские и исландские саги, упоминая события, происходящие на территории Древнерусского государства, однозначно указывают на то, что великая княгиня обладала огромной самостоятельностью в решении финансовых, судебных, дипломатических и иных дел и при полном здравии её супруга. Причем сведения саг относятся к деятельности жен великих князей более позднего времени, нежели время княгини Ольги. По-

¹ НПЛ. — С.113.

² ПВД. — С.43.

видимому, равное положение супругов в решении всех (как частных, так и государственных) дел сохранялось, по меньшей мере, в великокняжеской и дружинной среде вплоть до конца XII века. И хотя следует помнить о возможности некоторого искажения реальной действительности авторами саг (перенесение скандинавских особенностей семейно-брачных отношений на Гардарики и т.п.), всё же попробуем проследить «равноправие» великого князя и его жены по свидетельствам скандинавских и исландских источников.

В своем «Круге Земном» Снорри Стурлусон (1178 — 1241 гг.), описывая события 980 года, говорит о наличии у княгини своего «дома» («сразу же отвел его в дом княгини») и «двора» («говорили, что он [Олав] во дворе княгини»)¹. В принципе, это логично, учитывая свидетельство первой русской летописи о наличии у жены великого князя своих городов и сёл. Под защиту княгини могли бежать люди, совершившие преступление, скрываясь от суда конунга Гардарики. По-видимому, выдаче княжеской власти со двора княгини они не подлежали². Более того, Снорри Стурлусон свидетельствует, что, имея собственные средства (и немалые!), жена великого князя могла заплатить штраф за человека, ищущего у нее покровительства, и оставить его при себе в качестве «своего человека» («назначил конунг виру, и княгиня заплатила»)³. По-видимому, после уплаты штрафа все обвинения с подозреваемого снимались.

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.63.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.41.

³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.63.

В «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда содержится указание на право княгини требовать созыва вече для решения неотложных дел: «Попросила она [княгиня Аллогия, жена Вальдамара, конунга Гардарики] тогда конунга..., чтобы он велел собрать тинг и чтобы люди сошлись туда из всех ближних волостей, и говорит она, что придет туда „и распорядюсь так, как мне хочется“. Конунг так и сделал...»¹.

В «Саге об Эймунде» (конец XIV в., применительно к Руси описывает события времен Ярослава Мудрого) есть свидетельство совместного ведения государственных дел великим князем Ярославом и его женой Ингигерд. В частности, супруги вместе присутствуют при приеме норвежского посольства², конунг русов совещается с женой при решении возникающих проблем. Например, когда Ярослав отказался выплатить жалование варягам, княгиня, поддерживая его решение, всё же пытается уговорить их остаться и не покидать города. Когда же уговоры оказались бесполезны, Ингигерд предприняла попытку убийства варягов с помощью своих людей, чтобы не допустить их ухода к брату Ярослава и усиления последнего³. Более того, Эймунд признает в этой ситуации, что Ингигерд «умнее конунга», а несколько позднее — что княгиня Ингигерд «решает за них всех, хотя конунг — вождь этой рати»⁴. То есть, великая княгиня участвовала в походах супруга и, наряду с ним, могла

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.32.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.91.

³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.101.

⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.102.

принимать решения военно-политического характера.

Жена великого князя могла выступать посредником при заключении мира между враждующими сторонами (при их на то обоюдном согласии), то есть осуществлять дипломатические функции: «Эймунд конунг говорит княгине, что есть согласие на то, чтобы она устроила мир между конунгами». Что Ингигерд и сделала, разделив территорию Древнерусского государства между двумя братьями («она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики — это Хольмгард, а Вартилав — Кенугард...»), причем «на такой договор и раздел княжеств согласился весь народ в стране и подтвердил его»¹. Таким образом, подобные полномочия княгини были легитимными и всенародно признанными.

По договору, составленному Ингигерд, Эймунд также получил во владение княжество, которое после смерти завещал своему побратиму Рагнару. Передача княжества по наследству состоялась, опять же, «по разрешению Ярицлейва конунга и Ингигерд»².

Сохранила свои полномочия княгиня и через полтора столетия: она, по-прежнему, обладала и собственным имуществом, и полномочиями по уголовному преследованию виновных, в случае его кражи. Об этом нам говорит берестяная грамота №109, обнаруженная при раскопках в Новгороде и датируемая рубежом XI — XII вв.: «Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупиль еси робоу Пльскове. А ныне мя въ томъ яла кънягыни...»³. То есть,

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.103.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.104.

опознав украденную у неё рабыню, княгиня повелела схватить незадачливого владельца. И несдобровать бы тому, не поручись за него дружина. Судя по датировкам, речь здесь о княгине Христине, жене князя Мстислава Владимировича, и, кстати, дочери шведского короля.

Незаурядная личность великой княгини Ольги, подкрепленная твердым юридическим положением (как жены, так и матери) в великокняжеской семье, оттесняет на задний план неординарную фигуру её сына Святослава. А ведь именно на его примере мы можем проследить ряд моментов, касающихся воспитания детей в великокняжеской древнерусской семье.

Сын Игоря и Ольги родился в 942 году, что отмечено в летописи: «В се же лето родися Святослав у Игоря»¹. С рождения и до «возмужания» (совершеннолетия) воспитанием ребенка занималась мать, при которой он постоянно находился: «Ольга съ сыном своимъ Святославомъ... иде на Деревьску землю»². Возможно, конечно, что такое длительное материнское воспитание в данном случае было вынужденным из-за ранней смерти супруга. В три года мальчика в Древней Руси впервые сажали на коня и остригали волосы (обряд «постригов»)³. С этого же возраста княжич начинал осваивать военное дело (владение оружием, верховая езда) и непременно участвовал во всех походах. Мало того, формально являясь великим князем, Святослав, исполнял ритуал начала

³ Цит. по: Древнерусские берестяные грамоты (www.gramoty.ru).

¹ ПСРЛ. Т. II. — С.34.

² ПВЛ. — С.42.

³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. — С.369.

сражения, призванный принести победу его войску («И... суну копьемъ Святославъ на деревьяны...»), и только после этого опытные воеводы вводили в битву войска: «Кънязь уже почал. Потягаем, дружино, по кънязи!» Правда, до известного времени это право было чисто символическим, в силу малолетства княжича: «... и копые лете сквозе уши коневы, и удари в ноги коневы, бе бо детескъ»¹.

Если мать-княгиня занималась житейским воспитанием сына, то его военно-политическим воспитанием, по видимому, руководили опытные в этих делах люди (Олег — при малолетнем Игоре, воевода Свенельд — у Святослава, у Владимира — его дядя Добрыня).

В 13 лет Святослав уже руководит своей дружиной («а дружина моа»²), и все больше поступает по-своему, а не по воле матери: «Он же не послуша матерю...»; «Се же к тому гневашеся на матерю»³.

Подтверждение тому, что княжич уже с юных лет возглавлял собственную дружину, содержит и «Сага об Олаве Трюггвасоне». Правда, это уже время сына Святослава — Владимира: «И Вальдамар конунг вскоре поставил его [Олава] вождем своей дружины, чтобы он стоял во главе воинов [...] когда ему было 12 лет...»⁴

Великая княгиня воспитывала сына вплоть до его совершеннолетия («кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его»), которое наступало, очевидно, для

¹ ПВЛ. — С.42.

² ПВЛ. — С.46.

³ ПВЛ. — С.46.

⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.33.

юношей Древней Руси в 21—22 года: «В лето 6 472. Князю Святославу възрастьшу и възмужавшю...»¹ С этого момента княжич становится подлинным правителем и получает полную самостоятельность. По-видимому, Святослав, в силу сохранявшихся пережитков матриархата в среде русов и своего юного возраста, не пытался (во всяком случае, летопись об этом не упоминает) до совершеннолетия выразить матери свое недовольство отстранением от власти. Но и полностью он не был подчинен её воле, ибо имел и политическую (собственная дружина и, следовательно, собственные доходы; независимое представительство через посланника своих интересов за рубежом), и финансовую, и духовную (отказ от принятия христианства) самостоятельность. И всё же полноправным властителем государства Святослав становится только после смерти матери.

Женился княжич сразу после достижения совершеннолетия, причем значительную роль тут играли его родители. Сам Святослав женил сына на лично выбранной им невесте, несмотря на её духовный сан («бьяше была черницею»), и лишь «красоты ради лица ея»: «Бе бо привелью отець его [Ярополка] Святославъ, и вда ю за Ярополка»². Получается, что во времена Святослава летопись признавала побудительной причиной к супружеству только брак по любви или же по воле родителей.

Но уже в конце 80-х годов X века заключается первый, отмеченный летописью, династический брак: в 988 году Владимир женится на византийской «царице»

¹ ПВЛ. — С.42.

² ПВЛ. — С.53.

Анне¹. Традиция династических браков продолжилась и в следующем столетии: в 1020 году Ярослав берет в жены шведскую принцессу Ингигерд², а около 1045 года выдает уже свою дочь Елизавету за конунга Харальда. Причем последний случай — это первый в русской истории зафиксированный брак по расчету: Ярослав до тех пор не соглашался отдать свою дочь за Харальда, пока тот не привез «множество золота» в знак подтверждения своего богатства и способности содержать жену³.

Неизвестно, сколько жен имел сам Святослав, а вот сыновей в 968 году (в возрасте 26 лет) у него было уже, как минимум, трое. Их воспитание он, в силу каких-то причин, поручает не жене, а матери — бабке своих детей: «... и затворися Волга въ граде со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ в граде Киеве»⁴. Обратим внимание, что здесь упоминается и Владимир, сын ключницы, «робичич»: получается, что все дети великого князя, даже незаконнорожденные, имели равные права на власть. Хотя здесь могла сыграть свою роль отцовская любовь, когда в силу личных симпатий отец мог либо приблизить к себе сына, либо отвергнуть его: «Темь и отецъ его [Святополка] не любяще, бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимира»⁵.

Возмужавший сын был обязан почитать своих престарелых родителей, заботиться о них и достойно прово-

¹ ПВЛ. — С.80.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.52.

³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.58.

⁴ ПВЛ. — С.47.

⁵ ПВЛ. — С.56.

доть в последний путь. Забота о больной матери, выполнение ее последних желаний стояли для князя превыше государственных дел: «Рече ему Волга [Святославу]: „Видиши мя болну сущю; камо хочещи отъ мене ити?“ Бе бо разболелася уже, рече же ему: „Погребъ мя иди, ямо же хочещи“. По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея»¹.

К сожалению, начиная со времен Святослава, нашего первого летописца всё больше привлекают политические события. Лишь в записях, относящихся к правлению Владимира Святославича, мы опять находим некоторые сведения о древнерусской семье, но, опять же, только на примере семьи великого князя.

Как мы уже отмечали, все дети великого князя имели равные права на власть, несмотря на социальное положение и происхождение матери, а также на наличие законного брака. Сам Владимир — сын ключницы, «робичич»; сын его Святополк тоже рожден в незаконном, с христианской точки зрения, браке. Кстати, в женитьбе Владимира на вдове Ярополка, при желании, можно усмотреть признак левирата (обычай брать в жены вдову умершего брата) в брачных отношениях дохристианской Руси. Но нам представляется здесь более логичным объяснением банальная любвеобильность будущего крестителя Руси. Ведь, несмотря на утверждавшуюся моногамную семью, в княжеской среде сохранялась традиция многоженства, а сам Владимир, имея четыре законных жены, «прелюбодеичичь бысть убо»²

¹ ПВЛ. — С.48.

² ПВЛ. — С.56.

с женой своего брата Ярополка. А кроме законных жен, великий князь имел ещё и «гарем» из впечатляющего количества наложниц: «а наложницъ бе у него триста Вышегороде, а триста в Белегороде, а двести на Берестове...»¹ Да и прелюбодеяние для князя было обычным делом («и бе несуть блуда, приводя к собе мужьски жены и девице растляя»²).

Отношения Владимира и Рогнеды содержат в себе два любопытных момента. Во-первых, здесь есть описание одного из немногих, дошедших до настоящего времени, элементов древнерусского свадебного обряда — ритуал разувания молодой женой мужа в первую брачную ночь в знак полной покорности. Кроме того, за девушкой сохранялось (как минимум, с начала X века, о чем свидетельствовал ещё Ибн Фадлан) и право выбора жениха: «Она же [Рогнеда] рече: „Не хочу розути робиича, но Ярополка хочю“»³. Да и в Повести временных лет подобный свободный выбор мужа женщиной — отнюдь не единичный случай, поскольку в 945 году княгиня Ольга заявила, что желает выйти замуж именно за древлянского князя Мала, и киевлянам пришлось с этим мириться: «Реша же кияне: „Намъ неволя; ... и княгини наша хочеть за вашъ князь“»⁴.

Скорее всего, обычай свободного выбора женихов великими княгинями (да и прочими женщинами из дружинной среды) имеет скандинавские корни.

¹ ПВЛ. — С.56.

² ПВЛ. — С.57.

³ ПВЛ. — С.54.

⁴ ПВЛ. — С.41.

В «Круге Земном» Снорри Стурлусон под 994 — 995 гг. приводит легенду о том, как княгиня Сигрид, мать конунга Олава заживо сожгла двух конунгов — Харальда из Гренланда и Виссавальда из Гардарики, — приехавших к ней свататься. После этого «Сигрид сказала, что она так отучит мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней; с тех пор стали ее звать Сигрид Гордая»¹.

Во-вторых, продолжая историю с Рогнедой (когда Владимир, убив её отца и братьев, силой взял её в жены), получается, что в то время изнасилование не считалось сколько-нибудь серьезным преступлением, по крайней мере, для великого князя (к тому же мы помним, что Владимир «и бе несуть блуда, приводя к себе мужьски жены и девице растляя»). Отношение к изнасилованию начнет меняться лишь после введения на Руси христианства, и то далеко не сразу, а примерно с середины XI века.

С другой стороны, возможно, в случае с Рогнедой имеет место не изнасилование, а обычное отношение победителя к членам семьи побежденного, как к военной добыче, со всеми вытекающими последствиями. В таком случае очевидна аналогия с ситуацией, сложившейся после убийства Игоря, когда древлянский князь Мал отправил послов к княгине Ольге с требованием скорейшей свадьбы, ибо был полностью уверен в своих правах на неё как победитель («мужа твоего убихомъ, ..., да поиди за князь наш за Маль»²). И такое положение вещей сохранялось, по меньшей мере, на протяжении

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.63.

² ПВЛ. — С.40.

XI — XII веков:

1022 г. — «... и рече Редедя къ Мьстиславу: „... Да аще одолееши ты, то возмещи именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли азъ одолею, то възму твое все“»¹;

1094 г. — «сотвори миръ Святополкъ с половци, и поя собе жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго»²;

1113 г. — «Въ лето 6621. Ходи Ярослав на Ятвягы, сынъ Святопълчь, и пришьдъ съ воины, поя дъчерь Мьстиславлю»³.

Весьма интересное свидетельство о русах второй половины X века содержит «История» Льва Диакона (конец X в.). По данным византийского автора, женщины-русы наравне с мужчинами участвовали в военных походах, а, следовательно, обладали равными с ними правами: «Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев»⁴. Возможно, к этому эпизоду стоит относиться несколько скептически, так как больше эта ситуация нигде не отражена. Но если подобное имело место, то получается, во-первых, что девушка у русов, достигнув совершеннолетия, обладала значительной самостоятельностью. И она могла избрать один из трех путей дальнейшей жизни: 1) пойти «за муж», воспитывать детей и вести хозяйство; 2) пойти «за муж» и сопровождать его повсю-

¹ ПВЛ. — С.99.

² ПВЛ. — С.148.

³ НПЛ. — С.20.

⁴ Лев Диакон. История. — С.130.

ду, в том числе в походах; 3) вступить в княжеское войско на правах обычного ратника. Во-вторых, если девушка, по неизвестным причинам (источники, во всяком случае, их не оговаривают), избирала третий путь, то она должна была обладать определенным имуществом и средствами, хотя бы на приобретение доспехов. Таким образом, подтверждаются свидетельства Аль-Марвази и Мухаммеда Ауфи о преимущественном праве наследования отцовского имущества дочерьми («все имущество дается дочерям»). И получается, вне зависимости от того, вышла ли девушка-рус замуж или нет, она уже была материально обеспечена.

В-третьих, неважно, была ли женщина замужем или нет, но как воин она имела право на свою долю в военной добыче, пусть даже и меньшую, чем у мужчин. А это порождало уже новые права женщин-русов, перечисленные в договорах 912 и 945 годов: на ведение торговых операций (самостоятельно или через посредника), на представительство и на защиту своих интересов и т. п. Таким образом, договоры Олега и Игоря гарантируют права не только мужчин, но и женщин — воинов и купцов. Подобного феномена средневековый мир не знал ни до, ни после описываемого Львом Диаконом времени. Таким образом, не только великая княгиня, но и масса русских женщин (хотя, скорее всего, лишь выходцев из скандинавской среды) обладала широкими правами.

Итак, на протяжении IX века у восточных славян происходит смена родовой общины соседской, осуществляется постепенный переход от большой патриархальной к малым индивидуальным семьям. Это подтверждается как свидетельствами письменных источников, так

и данными археологии. Кроме того, в X веке начинается постепенное утверждение моногамной семьи, но, одновременно, ещё длительное время сохраняется устойчивая традиция полигамии. Русское общество X века — это общество, где безраздельно господствует кровная месть, все попытки обуздать которую тщетны. В значительной степени прослеживаются пережитки матриархата, по крайней мере, положение женщины в древнерусском обществе достаточно высоко. Члены великокняжеской семьи имели значительные привилегии, которые, впрочем, заканчивались с поражением главы семейства на ратном поле, после чего они становились фактически собственностью победителя, и последний волен был распорядиться их жизнями и судьбами.

В X веке у восточнославянских народов сосуществуют две формы брачного обряда, каждая из которых присуща тому или иному племени. Они имеют свои особенности, обусловленные, возможно, условиями жизни племен. В отдельных областях Древнерусского государства эти обряды доживут вплоть до XII века, а пережитки их сохранятся и много позднее.

Дальнейшее развитие семейные отношения получат после принятия Русью христианства и активного вторжения в жизнь человека православной церкви с её ценностными установками. Именно тогда начнут появляться законодательные акты, содержащие статьи, регулирующие отношения в семье. Опираясь на эти документы, мы попробуем проанализировать изменения, произошедшие в семье и в положении отдельных её членов в обществе с середины XI века.

ГЛАВА 3. СЕМЬЯ В XI — НАЧАЛЕ XIII ВВ.

В 988 году Русь официально приняла новую веру, и с этого времени, наряду с языческими традициями и обычаями, нарастает влияние христианской этики и морали. С первых же лет православная церковь повела борьбу за массы, стремясь проникнуть во все сферы, подчинить своим принципам весь жизненный путь человека от рождения до самой смерти. Православие сразу определило круг семейных вопросов, находящихся в его исключительной компетенции. Статья 9 «Устава князя Владимира Святославича о церковных суждах» (начало XI века) содержит перечень поступков, которые стали расцениваться, с точки зрения церкви, как преступления (в отличие от русского обычного права, которое их таковыми не признавало): «А се церковной суди: распуст [самовольный развод супругов], смилное [незаконная связь мужчины и женщины], заставанье [нарушение супружеской верности, доказанное свидетелями], пошибанье [изнасилование], умычка [обрядовое языческое похищение невесты для брака], промежи мужем и женою о животе [споры супругов об имуществе], в племени или в сватьстве поимуться [нарушение запретов на браки между близкими родственниками или свойственниками], ..., или сын отца бьет, или мать, или дчи, или снхъ свекровь, братя или дети тяжются о задницу [споры

о наследстве], ..., или два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и роздавить, или кого застануть с четвароножиною, ..., или девка детя повържеть»¹. Церковь стремилась к тому, чтобы брак заключался на всю жизнь и оставался нерасторжимым, точнее, мог быть расторгнут лишь в исключительных случаях. Люди должны были привыкнуть к мысли, что брак почти нерасторжим, и церковь обозначала такие нормы поведения, которые бы позволили супругам ужиться. Это способствовало проявлению более бережного отношения друг к другу. С целью усмирения природных страстей, церковь стала признавать половую жизнь лишь в освященном ею браке и пресекать внебрачные связи, отсюда — признание такого преступления как «смилное» — не освященной церковью совместной жизни мужчины и женщины. Природное влечение направлялось церковью в русло брачной жизни. При этом церковь заботилась не только о повышении нравственности паствы, но и об усилении собственного влияния. А так как, согласно церковным правилам, муж и жена должны были исповедоваться у одного и того же священника, инструмент влияния на семью, а через неё — и на массу населения Древней Руси был у церкви более чем серьёзный.

Ценнейшим источником, содержащим описание изменений в обществе Древнерусского государства, происходивших с XI века, является Русская Правда. В её нормах, относящихся к гражданскому и процессуальному праву, истец и ответчик выступают без поддержки род-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.149.

ственников, больших и малых семейных коллективов. В статьях об оскорблениях, травмах, нарушениях собственности последовательно проводится принцип индивидуальной, а не семейной или родовой ответственности и возмещения убытков одному лицу: «Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; ...; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне...» (ст.2 Краткой Правды)¹. Только в двух случаях предусматривается ответственность малой семьи: «Оже станеть без вины на разбои. [...] но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление» (ст.7)²; «Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кем будеть крал, а жене и детем не надобе; но оже будуть с ним крали и хоронили, то всех выдати, паки ли, а выкупаеть господин; аже будуть свободнии с ним крали или хоронили, то князю в продаже» (ст.121 Пространной Правды)³.

В Русской Правде четко выражен принцип малосемейной собственности. Так, ст.14 Краткой Правды и ст.35 Пространной Правды, учитывая практику древней устной процедуры свода, указывают только на личное владение украденным, причем названы предметы личного потребления, а также скот и конь, которые могли бы относиться к коллективному владению.

Глава семьи свободно распоряжался имуществом, при этом в качестве наследников указаны дети и жена (ст.92, 93 Пространной Правды). Показателен раздел

¹ Законодательство Древней Руси. — С.47.

² Законодательство Древней Руси. — С.64.

³ Законодательство Древней Руси. — С.72—73.

имущества детьми без завещания, при котором уже нет речи о выделении части родственникам (как мы видели в договоре Олега с греками), в чем можно было бы усмотреть большесемейное владение. О том же свидетельствуют статьи о наследовании имущества без сыновей. Если у смерда — незамужняя дочь, то она получает после смерти отца часть наследства («аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на не...»), если она замужем, то все наследство считается выморочным и отходит князю: «Аже смерд умереть, то задницю князю; ..., аже будутъ [дочери] за мужем, то не даяти части им» (ст.90 Пространной Правды). Если у боярина или княжеского дружинника — только дочери, то они получают всё наследство целиком, близкие родственники-мужчины исключаются: «Аже в боярех либо в дружине, то за князя задниця не идетъ; но оже не будетъ сынов, а дщери возмуть» (ст.91 Пространной Правды)¹.

Имущественные дела по разделу наследства и по другим статьям ясно очерчивают круг членов семьи — это муж, жена, сыновья и дочери (ст.94, 95, 99—106 Пространной Правды). Показательна для подтверждения распространения малой семьи, как устойчивой семейно-хозяйственной единицы, ст.99, согласно которой, в случае малолетства детей и вторичного замужества матери, опекунство над детьми и имуществом передается близкому родственнику или отчиму, а не роду, семье или какому-то коллективу в целом.

Таким образом, в соответствии с уложениями Русской Правды, малая семья, состоящая из родителей и детей,

¹ Законодательство Древней Руси. — С.70.

к XI веку была самостоятельной семейно-хозяйственной ячейкой. Любая взаимопомощь родственников, больше-семейных и родовых коллективов в финансовых и имущественных делах не предусматривалась. Казалось бы, напрашивается вывод, что в Древней Руси исключительно индивид и малая семья учитывались в законодательстве, как субъекты семейного и частного права. Но мы уже говорили, что переход от семейной общины, большой патриархальной семьи к общине соседской, к малой индивидуальной семье, хоть и начался в IX веке, но даже к началу XIII века полностью завершился лишь в двух областях — на юге, вокруг Киева (в земле полян) и на севере, в Новгородской земле. И это несмотря на вторжение в жизнь населения Древнерусского государства новой религии с её нормами и представлениями!

Подтверждением устойчивого распространения малой семьи в северных землях Древнерусского государства, испытывающих с начала XI века существенное влияние, кроме прочих, и Новгорода¹, являются парные погребения. Такие захоронения, к примеру, были найдены Н.А.Макаровым при изучении погребальных комплексов Нефедьево и Монино II, расположенных на территории современной Вологодской области². Были

¹ В частности, это подтверждают результаты реконструкции женского погребального убора, проведенной на основе археологических исследований могильников на территории современной Вологодской области, датируемых XI–XIII вв. Подробнее см.: Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 3. — С.96—97, 105.

² Подробнее см.: Бужилова А. П. Парные и совместные погребения

обнаружены останки мужчин и женщин, не являющихся, по данным анализа ДНК, близкими родственниками, но захороненных вплотную друг к другу с относительно небольшим временным интервалом, со сходным расположением тел, рук и погребальных артефактов. В дальнейшем, путем сравнительного анализа погребальных памятников XI — XIII вв., аналогичный ритуал был выявлен и в других землях: Суздальском Ополе, Юго-Восточном Приладожье, Юго-Западном Белозерье, Костромском Поволжье. Кроме того, в могильнике Монино II были обнаружены не просто парные, но и совместные погребения, относящиеся к XII — началу XIII вв. и имеющие ряд характерных признаков: погребение осуществлялось в одной могильной яме (возможно, и в одном гробу), тела располагались не на спине, а на боку, лицом друг к другу, при этом женщина всегда находилась справа, а мужчина — слева. В отдельных случаях, вместе со взрослыми найдены и детские захоронения.

Археологи находят парные захоронения и на других территориях Древнерусского государства. К примеру, парное погребение под единой курганной насыпью, относящееся к середине XI века, было найдено в 2007 году при раскопках курганного могильника Елисеевичи в Брянской области¹. Это стремление к воссоединению семьи, как в земной, так и в загробной жизни, указывает на важность малой семьи в общественном строе населения Руси, тем более что захоронения боль-

на Русском Севере (по данным антропологии). — С.434—443.

¹ Карпов Д. А. Отчет об охранных раскопках курганной группы Елисеевичи Брянского района Брянской области в 2007 г. — С.57—58.

шой семьи на планировке средневековых могильников чётко не выделяются.

Другим важным свидетельством распространения малой семьи на территории Древней Руси является усадебная (дворовая) планировка поселений. Под двором или усадьбой мы подразумеваем комплекс жилых, хозяйственных и производственных построек, составляющих единое архитектурное и хозяйственное целое, и ограждённое от соседних участков забором¹. Впервые подобная застройка появляется (и была выявлена при раскопках) уже в X веке в городских поселениях, и она, вместе с уличной планировкой, составляет основу топографии древнерусских городов². Усадьба, датируемая XII — началом XIII вв., была раскопана В.В.Миненко в Смоленске в 2005 г.³ А вот на сельских поселениях, первоначально застраивающихся однообразными жилыми и хозяйственными постройками, дворовая планировка начинает развиваться только с рубежа XI — XII вв. При этом на вновь возникающих в этот период селищах культурный слой покрывает уже не всю территорию памятника, а концентрируется вокруг построек.

К примеру, при раскопках А.В.Шекуна на селище

¹ Новожеев Р. В. Крестьянский двор в домонгольской Руси. — С.74.

² См. напр.: Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в.; Сорокин А. Н. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде; Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В. Исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2000 г.

³ Миненко В. В. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на участке строительства комплекса рыночной торговли в г. Смоленске. — С.199.

Ров-2 около села Шестовица Черниговской области были выявлены две усадьбы рубежа XII — XIII вв. На одной из них, площадью 480 м², по кругу располагались 7 построек, главной из которых являлось жилище. Имелись постройки для хранения припасов, кузница, снопосушилка и т.д., а также хозяйственные ямы (зерновая, ледник и др.). В центре находился внутренний дворик площадью 85 м². И всё это хозяйство было огорожено забором. Вторая усадьба располагалась в 45 м от первой, при этом территория между дворами оставалась свободной. Здесь также присутствует планировка с размещением построек по периметру с оставлением небольшого внутреннего дворика и удалением жилых помещений от хозяйственных на некоторое расстояние¹. Характер и назначение построек во многом идентичны, что в очередной раз подтверждает тезис о принадлежности подобных усадеб именно малым семьям, ведущим автономное хозяйство и обладающим собственными запасами. К тому же, зачем отгораживаться забором от других родственников, если бы речь шла о большой семье и коллективном хозяйствовании?

На рубеже XI — XII веков появляется и, постепенно, становится господствующей усадебная застройка и уличная планировка селища Автуничи Черниговской области. Усадьбы площадью 250—800 м² выявлены в Подмоскowie, в районе Куликова поля, в окрестностях Ельца и других регионах растущего древнерусского государства.

¹ Подробнее см.: Новожеев Р. В. Крестьянский двор в домонгольской Руси. — С.75—76.

Тем не менее, в окраинных и центральных районах архаичные пережитки сохранялись, по крайней мере, на протяжении всей 1-й половины XII века. Летописец вынужден признать, что центральная княжеская власть и церковь бессильны в землях племен: «... еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычаи Кривичи и прочий погани, не ведуще закона Бже, но творяще сами себе законъ»¹. Поэтому получается, что выводы, сделанные на основе анализа Русской Правды и прочих законодательных и церковных документов, можно отнести лишь к «цивилизованным» центрам Древнерусского государства — Киеву и Новгороду. А в остальных землях восточных славян в XI — начале XIII вв. продолжали сохраняться традиции семейной общины, господствовало не княжеское и церковное, а обычное право, в том числе и семейное. И об этом нужно помнить постоянно, анализируя семейно-брачные отношения на Руси в домонгольский период.

Итак, в конце X века христианская церковь получила в свое распоряжение новую страну и новое обширное поле для деятельности. Что же увидели первые пастыри, придя на Русь? Начавшийся процесс выделения отдельных малых семей ещё полностью не завершился, в княжеских семьях процветает множество, а в низах — «умыканье» и прелюбодеяния; мужья продают неверных жен, а «любимые жены» добровольно всходят на погребальные костры супругов, не считая пребывание во вдовстве за жизнь. И над всем этим господствует право кровной мести, получившее в 1015 году силу

¹ ПСРЛ. Т. I. — С. 13—14.

государственного закона: «Убьеть муж мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови»¹. Правда, эта норма, скорее, ограничивает круг родственников, имевших право на месть лишь братьями, детьми и родными племянниками убитого. Это очередные шаги княжеской власти по обузданию кровной мести и очевидный прогресс, по сравнению с договором 945 года, где число родственников, имевших право на отмщение, не ограничивалось. Но очевидно, что церковь ещё долго ничего не могла поделать с этим обычаем, ибо в начале XII века в Пространной Редакции «Русской Правды» присутствует та же норма². Любопытно, что в Пространной Правде в списке родственников, имевших право мстить за убитого, вместо «сестрину сынови» Краткой Правды названы «братни сынови». Эта замена устраняет из текста Правды наиболее архаичный ее элемент, восходящий к эпохе матриархата.

Одновременно с отмиранием пережитков матриархата усиливается роль в семье старшего по мужской линии — отца или, в случае его отсутствия (как правило, смерти), старшего брата. Его надлежало слушаться во всем и почитать. Подтверждение тому находим в Повести временных лет под 1097 годом: «И присла к нему [Василько] Давыдь: „Не ходи, брате, не ослушайся брата старейшаго“»³. Более того, в своем «Поучении»

¹ Законодательство Древней Руси. — С.47.

² Законодательство Древней Руси. — С.64.

³ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — С.84.

Владимир Мономах призывает почитать не только отца, но и всякого старшего, а также относиться к младшим по возрасту, как к малым братьям, и уважать и тех, и других: «Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью»¹. Несомненно, такое взаимное уважение членов семьи и любовь ко всякому ближнему должны были устраивать православную церковь. Эти качества укреплялись, во многом, благодаря её деятельности. Можно предположить, что уже с конца XI века закладываются основы отличительной черты менталитета русского народа — уважения к старшим, сохранившейся на протяжении столетий.

Чтобы лучше разобраться в семейных отношениях домонгольской Руси, рассмотрим подробнее отдельные их элементы (сватовство, выдачу замуж (женитьбу), супружескую жизнь и измену, имущественные отношения супругов, отношение к детям, развод и т.п.), а также проследим, какое влияние оказывала на них православная церковь.

Логично начать со сватовства и свадебного обряда. С наступлением определенного возраста девушку пора было выдавать замуж. Как и в случае с женитьбой отрока, что мы наблюдали на примере Святослава, здесь значительна власть родителей.

Это подтверждает и новгородская грамота №748 (2-я половина XII века). Она, конечно, не самой лучшей сохранности, но очевидно, что это — ответ девушки на письмо её жениха (или какого-то третьего лица, хоро-

¹ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — С.154.

шо осведомленного в ситуации). Видимо, в связи с предстоящим замужеством в семье возникла сложная ситуация, возможно, даже конфликтная. И девушка, изложив причины конфликта, соглашается: «... а за которъ мя отдасть...»¹. По мнению А.А.Зализняка, завершением фразы могли быть варианты: «не знаю» или «за того и пойду».

Чтобы не обострять ситуацию, к поиску подходящего жениха подходили весьма серьезно. Из берестяных грамот мы узнаем, что обычной практикой было привлечение к поискам профессиональных свах. Показательна новгородская грамота №955: «От Милоуши къ Маръне. Коси Великее пъехати бъ е и за Сновида». Некая Милуша (судя по всему, сваха) пишет Марене, которая хорошо известна археологам, ведущим раскопки на территории Новгорода (кроме нескольких берестяных грамот, имеется также пряслице с её именем, найденное неподалеку от грамоты №955). Согласно исследованию А.А.Гиппиуса, Марена была женой знатного новгородского боярина Петра Михалковича, игравшего важнейшую роль в новгородской администрации середины — третьей четверти XII века. Сама Марена обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался и князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п.². И вот сваха пишет, что какой-то родственнице Марены (вполне возможно, дочери) хорошо бы выйти замуж за некого Сновида. И она считает этот выбор

¹ Цит. по: Древнерусские берестяные грамоты (www.gramoty.ru).

² Подробнее см.: Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.

настолько удачным, что сопровождает свое послание не совсем нормативной фразой из эротического свадебного фольклора (мягко приведем её, как «Пусть же напьется женский детородный орган!»), представляющей собой магическое пожелание способствовать продолжению рода. Ну а в завершение Милуша попросила вознаграждения за свои услуги (2 гривны), утверждая нас в мысли о том, что сводничество для нее — профессия.

При несогласии дочери выйти замуж добровольно, родители, в соответствии с Уставом князя Ярослава, были обязаны выдать её силой. За нарушение подобной обязанности родители несли ответственность и перед церковной, и перед светской властью: «Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр — гривна золота, а нарочитых людий — 12 гривен, а простои чади — рубль»¹. Но тут палка была о двух концах. Если из-за подобного принуждения дочь совершала самоубийство, дочери в результате такого принуждения: «Аще девка не въсхощетъ замуж, то отец и мати силою дадятъ. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине»².

В Пространной редакции не упоминается, что норма распространяется и на отрока, и это могло бы, конечно, отражать несколько иное юридическое положение сына в семье. Только вот в берестяных грамотах мы находим подтверждение, что к женитьбе сына родители подходили не менее ответственно. Главную роль здесь, по видимому, играла мать. В грамоте №731 (Новгород, 2-я

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

² Законодательство Древней Руси. — С.191.

половина XII века) читаем: «Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего (т.е. того, что ты предлагаешь). К празднику её хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие [на то, чтобы было], как ты сказала ему давеча: „Придешь — в тот же день сосватаю“. А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе.»¹. Тут всё, как в случае с дочерью Марены: и профессиональная сваха (Ярина), подобравшая невесту сыну, присутствует и вознаграждение за её услуги. Да чтобы непременно в должном наряде была (упоминание повойника — женского головного убора, элемента «униформы» свахи). А сына можно даже по имени не называть, так, «детище». Согласен с выбором родителей, и ладно. Юридически сын был приравнен к дочери в Краткой редакции Устава Ярослава середины XIV века («такое же и отрок»)².

В Повести временных лет о свадебном обряде полян есть указание на приношение за невестой приданого («приношаху по ней, что вдадуче»³). И одновременно обнаруживается иной обычай, сходный, в какой-то степени, с мусульманским калымом — внесение женихом платы за невесту, своеобразного выкупа. Этот обычай получил название «вено»: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ, за вено людии восемь соть» (1043 г)⁴. Впервые о нем летопись упоминает под 988 годом: «Вдасть же за вено грекомъ

¹ Перевод по: Древнерусские берестяные грамоты (www.gramoty.ru).

² Законодательство Древней Руси. — С.169.

³ ПСРЛ. Т.I. — С.13—14.

⁴ ПВЛ. — С.104.

Корсунь опять царице деля...»¹. Возможно, «вено» существовало в Древней Руси и одновременно с приданым, но вполне вероятно, что обряд приношения приданого возник гораздо позднее, так как в ПВЛ нет точного указания на то, кто именно «приношаху по ней». А ведь это могут быть как родственники жениха, и тогда это — «вено», так и родственники невесты, и тогда это — приданое. Скорее всего, под влиянием церкви и по мере её усиления на Руси, языческий обряд «вено» трансформировался в обряд приношения приданого. Что не исключало и одновременного существования этих обрядов на протяжении какого-то периода.

По-видимому, обычай подношения «вено» пришел на Русь из Скандинавии. Косвенное подтверждение этому можно найти в своде саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона (около 1230 г.) в сюжете о женитьбе Ярослава на дочери шведского конунга Олава Ингигерд. В качестве свадебного дара Ингигерд потребовала от жениха ни много, ни мало, целый город — Старую Ладугу (Альдейгьюборг): «Если я должна выйти за Ярицлейва конунга, то я хочу, — сказала она, — в свадебный дар Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит»². Правда оговоримся, что это сообщение уникально и не повторяется ни в отечественных, ни в зарубежных памятниках.

Г.В.Глазырина установила, что Снорри Стурлусон использовал для обозначения этого свадебного дара Ярослава норвежский термин *tilgjǫf*, известный по древ-

¹ ПВЛ. — С.80.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.67.

нейшему областному судебнику Норвегии — «Законам Гулатинга» (2-я половина XII в.). Размер *tilgjǫf* был строго регламентирован: если девушка впервые выходила замуж, он равнялся стоимости приданого, выделяемого семьей невесты, чтобы не допустить ослабления какого-либо из родов; а если женщина вступала в брак вторично, то *tilgjǫf* не должен быть меньше половины стоимости её личной собственности. Скорее всего, когда супруги после появления детей создавали общую собственность, свадебный дар или доходы от него контролировались ими совместно.

Дальнейшая судьба *tilgjǫf* могла варьироваться. Если муж умирал первым, а наследники у него отсутствовали, то свадебный дар переходил в собственность жены. Если же наоборот, то *tilgjǫf* получали наследники (если они были), а при их отсутствии приданое возвращалось в семью жены, а что происходило с *tilgjǫf*, закон не уточняет. Вероятно, он оставался в семье вдовца.

Если Старая Ладога с окрестностями были переданы Ярославом своей будущей супруге в качестве «вено» на традиционных для *tilgjǫf* условиях, то приданое Ингигерд должно было равняться стоимости Ладоги с прилегающими к ней землями, или, что вероятнее, размеру доходов, получаемых с этой территории.

Землю, полученную в дар, Ингигерд передала своему родственнику, норвежскому ярлу Рангвальду: «Ингигерд

³ Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга / Старой Ладоги скандинавам). — С.240—244.

княгиня дала Рангвальду ярлу Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит»¹.

Г.В.Глазырина, опираясь на исследование шведского историка Биргит Сойер, отмечает, что скандинавская женщина на протяжении всей жизни находилась под покровительством мужчины — отца или опекуна до замужества, а потом — супруга, которые управляли и распоряжались имуществом, только номинально принадлежавшим женщине. Лишь в двух ситуациях женщина реально становилась владелицей своего имущества: когда у совершеннолетней незамужней женщины не было никаких родственников-мужчин, и в случае вдовства женщины, при отсутствии родственников мужского пола. При этом, факты владения землей знатными женщинами в Швеции известны только с конца XII века. Поэтому, заключает исследователь, ситуация, изложенная Снорри Стурлусоном, неправдоподобна, и здесь имеет место перенос более поздней норвежской практики на более ранний период истории Руси. И маловероятно, что Ингигерд могла получить в качестве свадебного дара крупное земельное владение и уж тем более полноправно распоряжалась им, передав своему родственнику².

Однако не будем забывать, что речь идет не о простых смертных, а о семье великих князей. А ситуацию, когда женщина осталась вдовой, при этом родственники-мужчины, которые могли бы взять на себя управление и распоряжение её собственностью, у неё отсутствовали, мы наблюдали на примере княгини Оль-

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.67.

² Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого... — С.244.

ги. И мы отмечали выше, что жена великого князя обладала собственными земельными угодьями, городами, местами охоты, и распоряжалась ими вполне свободно. Так что, передача Альдейгьюборга на некоторое время (1020 — около 1050 гг.) под управление скандинавов вполне могла случиться, однако после смерти Ингигерд договор утратил силу, и Старая Ладога вновь отошла во владения киевского князя¹.

В любом случае, можно отметить значительные размеры «вено» (800 пленных, город, область), его скандинавское происхождение и одновременное существование с обрядом приношения приданого. Но в течение XII века, по-видимому, происходит отмирание этого обряда и его вытеснение приданым, что, скорее всего, обусловлено усилением роли православной церкви на Руси, продолжением её борьбы за вытеснение языческих обрядов и обычаев.

Наивно было бы считать Русь полностью христианской в первые же десятилетия после крещения при Владимире. Во второй половине XI века распространение христианства ещё ограничивается непосредственно Приднепровьем, а междуречье Оки — Волги и даже Новгород далеко не были христианизированы. Для людей XI века торжество христианства было связано с именем князя Ярослава, а не Владимира. Только третье поколение считало себя по-настоящему христианским². По выражению первого русского летописца, только «при семь [Яро-

¹ Ярослав умер в 1054 г.

² См.: Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси// Христианство и Русь. — М., 1988.

славе] нача вера хрестьяньска плодится и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти»¹. Так что, кроме церковного брака, сильны были языческие традиции и обычаи свадебного обряда, с которыми православие приходилось бороться.

Одним из самых распространенных оставался обряд «умыкания» невесты по предварительному сговору с ней или без такового («Аще кто умчить девку...»²), и долго ещё значительная часть браков заключалась среди основной массы населения по этому обряду, вне церкви. Однако православие сразу же начало борьбу с насильственным похищением невест, а также изнасилованием («пошибаньем») дочерей и жен, объявив оба этих действия преступлением, подсудным как княжескому, так и церковному суду: «Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; ... а князь казнитель»³. И хотя размер штрафа, взимаемого с насильника, колеблется в зависимости от социального статуса женщины, её интересы учитываются всегда, а размер штрафа в её пользу всегда равен штрафу в пользу церкви. Такое внимание к данному преступлению со стороны церкви можно объяснить тем, что изнасилованная девица имела, по-видимому, гораздо меньше шансов выйти замуж, то есть, могла остаться «в девках», а православная церковь, в перспективе, лишалась будущего своего последователя — законного ребенка этой женщины, рожденного

¹ ПВЛ. — С.102.

² Законодательство Древней Руси. — С.189.

³ Законодательство Древней Руси. — С.189.

в замужестве, в венчальном браке.

Анализ источников показывает, что обуздать природные инстинкты человека церкви удалось далеко не сразу. Почти через столетие Устав Владимира Мономаха (1113 г.) ужесточает санкции, применяемые к насильнику. Теперь размер штрафа в пользу «девицы за срамъ» увеличен до 72 «златницъ». Более того, если изнасилованная была девственницей, то насильника могли подвергнуть штрафу в пользу княжеской власти, либо даже продать в рабство, а его имущество полностью передать потерпевшей: «Приложиивыися девицы девою пусту находившю людми, аще ей не будеть кто помога, да биется отрокъ или продатся, а имение его да дасться девицы за сором»¹. Любопытно указание на возможную помощь изнасилованной девице со стороны третьего лица («аще ей не будеть кто помога»). По-видимому, если находился человек, согласный взять в жены такую девушку, то с насильника брался только денежный штраф. Выражение «биется отрокъ», по-видимому, указывает на наличие системы телесных наказаний за подобные преступления. Не совсем ясным остается вопрос об «имении» отрока: непонятно, откуда оно происходит (подлежит ли передаче потерпевшей часть родительского имущества, либо же только личные вещи виновного). Источники не содержат конкретных указаний по этому поводу.

Устав Мономаха предусматривает и ситуацию, когда сам насильник мог раскаяться в содеянном, и тогда, с согласия его родителей, он может жениться на своей жертве: «Аще възлюбить ю отрокъ пояти и възшоцета

¹ НПЛ. — С.499.

родителя его, тогда будет свадьба»¹. По-видимому, в этом случае все претензии к насильнику со стороны, как светской, так и церковной власти снимались, и такой брак признавался законным.

Впервые в Уставе Мономаха указывается брачный возраст для девочек — 13 лет. По-видимому, подобное возрастное ограничение — результат деятельности церкви, боровшейся против заключения слишком ранних браков, потомство от которых (а это, как мы помним, — будущие прихожане) могло быть неполноценным. Поэтому за насильственные действия в отношении девочек моложе 13 лет «да продасться отрокъ, дажь и все имение его, и да биется», то есть сам насильник подвергался штрафу и телесному наказанию или становился рабом, а его имущество отходило потерпевшей: «и дасться имение его девици»².

Далее мы попытаемся реконструировать церемонии древнерусского предсвадебного сговора, свадебного обряда и брачной церемонии. Сразу скажем, что большинство описаний элементов свадебного ритуала было составлено не ранее XVI века, хотя часть обрядов, по-видимому, возникла существенно раньше и оставалась неизменной на протяжении столетий.

С крещения Руси в 988 году и присвоения церковью монопольного права утверждения брака³ начали складываться «цивилизованные» нормы брачного права, вклю-

¹ НПЛ. — С.499.

² НПЛ. — С.500.

³ См. напр.: Устав Владимира Святославича // Законодательство Древней Руси. — С.137.

чавшие в себя и определенные свадебные ритуалы. Процесс этот шел двумя путями: через трансформацию древних семейно-брачных обрядов в правовой обычай и через придание силы закона решениям органов церковной власти, опиравшихся в своих действиях на византийское брачное право. О влиянии древних брачных традиций на нормы семейного права свидетельствуют уже первые русские памятники письменности (Повесть временных лет, Устав Ярослава и др.), упоминающие наличие предварительного брачного сговора. Но этому сговору предшествовала своеобразная помолвка или сватовство. Традиция посылать сватов от жениха в дом невесты известна уже с X века: их посылал древлянский князь Мал к княгине Ольге, Владимир к полоцкому князю Рогволоду, упоминание об этом содержится и в более позднем по времени Уставе Ярослава. Роль сватов выполняли, по-видимому, «лучшие мужи» государства, если речь шла о женитьбе князя, либо старшие родственники жениха, либо специально приглашенные уважаемые люди. По обычаю, помолвке сопутствовала трапеза у родителей невесты.

В числе обязательных продуктов на столе должен был быть сыр. Разрезание сыра закрепляло помолвку, и отказ жениха от невесты после этой процедуры становился невозможным. Об этой важной части обряда предсвадебного сговора упоминает, к примеру, Устав Ярослава. Сыр выносился невестой, резался сватом и раздавался всем присутствующим в её доме. После этого сговор можно было считать состоявшимся и нарушать его было нельзя под угрозой церковного и княжеского суда: «Про девку сыр краявши, за сором ей 3 гривны, а что потеряно, тое заплатити, а митрополиту 6 гривен; а князь казнить»¹.

Отказ жениха от невесты наносил ей моральный ущерб, создавал ситуацию, при которой она могла остаться в девицах. Жених или его родители должны были возместить расходы на угощение («а что потеряно»), за оскорбление невесты («за сором»), а также заплатить штраф в пользу церковной власти. Причины такого отказа не оговариваются, и, по-видимому, в этой ситуации церковь всегда становится на защиту невесты.

По мнению Э.М.Зайковского, сыр традиционно был одним из обрядовых элементов инициации девушек и символизировал зарождающуюся новую жизнь. Сыр также связывался с изменением семейно-возрастного статуса девушек (отсюда — сыр в свадебных обрядах) в период язычества славянских народов. Известны жертвоприношения в виде сыра, хлеба и меда Роду и рожаницам вплоть до XII века. В более позднее время сыр мог служить символом целомудрия, девичества, и в период после принятия христианства его «раскраивание» могло расцениваться как нарушение норм морали, посягательство на честь девушки. В то же время сыр в некоторых случаях являлся посредником между живыми и мертвыми, служил средством для распознавания нечистой силы¹. Кстати, вера в сакральные свойства сыра сохранилась вплоть до XX века среди населения Белоруссии. В основном их связывают с рождением ребенка (чаще всего сына), с плодovitостью.

При помолвке определялся лишь тот факт, что сва-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

¹ Зайковский Э. М. Сыр в дохристианских обрядах и верованиях белорусов // Религия, умонастроения, идеология в истории.

дьба состоится. А все конкретные вопросы по организации свадебной церемонии решались во время брачного сговора, традиция заключения которого распространилась с XIII века. Здесь участвовали уже непосредственно родители молодоженов, которые договаривались о предполагаемом дне свадьбы, о размерах приданого и вено, после чего подписывался (или же скреплялся устно «перед людьми») брачный договор — «ряд». Но это происходило лишь после того, как было установлено согласие самих молодоженов на вступление в брак («аще девка не въсхощетъ замуж»). Но в ряде случаев, по-видимому, брачный сговор мог заключаться и без согласия на то молодых («то отец и мати силою дадать»).

О широком применении брачного сговора свидетельствует и новгородская берестяная грамота №377: «... от Микиты ко Улянице. Пойди за мене. Яз тебе хочу, а ты мене. А на то послухо Игнато...»¹.

Позднее, в XIV–XV вв. церковь устанавливает, как заключительную часть брачного сговора, церемонию обручения, которая стала закрепленным общественной моралью обязательством женитьбы. Одно же из первых упоминаний о существовании обручения содержится в Уставе Мономаха (1113 г.): «... приложивыися девици обручене мужю...»². Но, по-видимому, долгое время эта традиция была распространена лишь в княжеской и боярской среде, не затрагивая широкие слои населе-

¹ Цит. по: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — С.74. В ряде исследований (см. напр. www.gramoty.ru) женское имя читается, как «Анна».

² НПЛ. — С.500.

ния Древнерусского государства.

В рассматриваемый нами период (до середины XIII в.) церковные нормы не ограничивали на Руси число замужеств (это произойдет позже, на рубеже XIV — XV вв.). Не являлось формальным условием для заключения брака и сохранение девушкой невинности. Хотя в середине XII века этот вопрос для церковников был весьма болезненным¹, но до определенного времени церковный закон требовал девственности лишь от представителей клира: «А оже дьякъ поиметь женоу и оурозоуметь, аже есть не девка? — Поустивше, тоже стати»². Как видим, здесь даже предполагается развод духовного лица с «нечистой» девицей.

Основным церковным элементом свадебного ритуала было венчание. Но, как мы неоднократно отмечали, в домонгольский период существования Древнерусского государства этим обрядом была охвачена лишь верхушка общества — княжеская и боярская среда. Об этом же говорит в конце XI века и митрополит Иоанн: «Оже не бывають на простыхъ людехъ благословенью и венчанью...». Остальные же слои населения, признавал Иоанн, «поимають жены своея с плясаньемъ и гуденьемъ и плесканьемъ»³, то есть по древнему языческому обряду с танцами, музыкой, купанием в реке, стороной обходя церковь.

Церковь, будучи не в силах запретить подобный обычай, старалась хотя бы предать его порицанию. Митро-

¹ См. напр.: Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.35.

² См. напр.: Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.46.

³ Канонические ответы митрополита Иоанна. — С.18.

полит Иоанн повелел «боляромъ токмо [и] княземъ венчаться; простымъ же людемъ, яко и меньшице... разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простию закони простыцемъ и невежамъ си творять совкупление; иже кроме боже-ствныхъ творять свадьбу, таинопоимание наречеться: иже тако поимаются, якоже блудникомъ епитемью дати»¹.

Для внедрения в жизнь венчального единобрачия были пригодны любые средства и поблажки. Главная цель каждого священника — венчать и венчать. «Аще кто хощеть женитися, дабы ся охабилъ [отказался бы от] блока 40 днии», — говорил Нифонт; и тут же поправился: «или за 8 [дней до свадьбы], то венчалъ бы ся». Мало того, рекомендовалось «дата причащение има», а если на одном из молодоженов лежала епитемья (как правило, исключаящая брак), «да последь дати» [отсрочить ее]². Всё для того, чтобы повенчать эту пару.

Как и в случае со сватовством, на свадьбу приглашали не только родственников, но и уважаемых людей. Подтверждение находим в берестяной грамоте №672 (Новгород, 2-я половина XII века): «... и Оркадь вьльи бь себь жьнитися... нь вода... го». В переводе получаем: «... и Аркадий велели без него (или „без них“?) свадьбу устраивать. Но не выдавай без него»³. В.Л.Янин ассоциирует упомянутого здесь «Оркада» с новгородским епископом Аркадием. И тогда всё сходится: епископа (и, возможно, кого-то ещё, поскольку начало письма

¹ Канонические ответы митрополита Иоанна. — С.18.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.57.

³ Цит. и перевод по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.386.

отсутствует) пригласили присутствовать на свадьбе (или на венчании) в качестве почетного гостя, и без него — никак, проще дату мероприятия перенести.

Е. Рыбина, уточняет, что грамота №672 происходит из раскопок Людина конца (Троицкий раскоп). На этом же участке в слоях XII века было обнаружено значительное число грамот, связанных с именами Петра и Якши. Эти персонажи отождествляются с известными по летописи боярином Петром Михалковичем и посадником Якуном Мирославичем. Очевидно, Пётр Михалкович (Петрок), кроме того, что являлся мужем уже упомянутой нами Марены, и был во 2-й половине XII века владельцем усадьбы, на чьей территории и найдены грамоты. А в 1155 году он выдал свою дочь замуж за Межслава Гюргевича, сына Юрия Долгорукого, и не исключено, что именно об этой свадьбе и идёт речь в грамоте №672¹.

По древней (опять же, языческой) традиции, свадебная церемония сопровождалась шумными гуляньями (теми самыми «плясаньем и гуденьем») и застольем. И далеко не всегда эти празднования проходили мирно. В Краткой редакции Устава Ярослава упоминаются нередкие случаи рукоприкладства, драки между гостями, иногда заканчивающиеся смертью кого-либо из участников потасовки (ст.29): «Свадебное и огородное бои и убийство, аже что учиниться и душегубство...». Церковь стремилась пресекать или хотя бы ограничивать подобные случаи, поэтому виновные «платят виру князю

¹ Рыбина Е. От сватовства до свадьбы. Свидетельства берестяных грамот. (Опубликовано на www.perunica.ru).

с владыкою наполю»¹.

Ну и полную покорность молодой жены своему супругу символизировал обряд разувания мужа в первую брачную ночь, упоминаемый ещё Нестором. В дальнейшем (в XVI — XVII вв.) этот обряд трансформировался в обрядовую игру за будущее место жены в семье².

А ещё немаловажным для женщины было сохранить любовь супруга от самой свадьбы и на долгие годы. И многие жены использовали ворожбу: «А се есть оу женъ: аже не възлюбятъ их моужи, то омывають тело свое водою, и тоу водоу даютъ моужемъ»³. Но поскольку брак признавался данным от Бога, всякие языческие колдовские способы его сохранения были недопустимы. Поэтому подобные действия церковью категорически осуждались, а на провинившуюся накладывалась епитимья. И, тем не менее, обрядовые действия, связанные с «мыльней», «баенной водой» упоминаются и в свадебных записях XV века.

Остальные элементы свадебного ритуала (поездка к венцу, обряд чесания головы жениха и невесты, осыпание их хмелем и т.п.) сохранились лишь в изложении XVII века, и столь значительная разница во времени не дает нам возможности с уверенностью говорить об их существовании хотя бы в начале XIII века.

Одна из главных задач церкви — борьба с двоеженством, допускаемым в язычестве: «Аще кто иметь две жены водити, митрополиту 20 гривен, а которая подлег-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.170.

² Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — С.79.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.60.

ла, тую пояти в дом церковный, а первую жену держати по закону. Иметь ли лихо ею держати, казнью казнити»¹. Слово «водити» указывает, что церковный брак, возможно, и не заключался, обе жены могли быть «водимыми» (это понятие употребляется в ПВЛ для обозначения языческих жен), а такое положение церковью не допускалось. Предписание «а первую жену держати по закону» означает требование оформить брачные отношения венчанием, согласно церковному закону. Если муж продолжал жить с ней в языческом браке, невзирая на предписание церковного суда («иметь ли лихо ею держати»), его полагается «казнью казнити». Применение ко второй жене («которая подлегла») безальтернативного наказания в виде заключения в церковном доме указывает, что церковь расценивала желание супругов жить в полигамном браке, как преступление, и отстаивала принцип единобрачия вне зависимости от того, был ли брак оформлен венчанием или нет.

Мы уже говорили, что у пришедших в земли восточных славян скандинавов существовала традиция моногамии: летописец упоминает у Игоря только одну супругу — Ольгу, саги говорят лишь об одной жене у конунгов². Но, попав на Русь и оказавшись под влиянием местных традиций, скандинавская знать «давала слабину». Поэтому уже у Святослава присутствуют внебрачные связи (как минимум, с матерью Владимира — ключницей), а в полной мере приверженность к полигамному браку проявляется на примере самого Владимира. Одна-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

² См.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь...

ко с утверждением христианской морали при его сыне Ярославе традиция многоженства вновь сменяется моногамной семьей. Хотя к концу XI века православие и добилося в этой области определенных успехов, по крайней мере, в великокняжеской и дружинной (скандинавской) среде, но именно в верхах общества трудности борьбы за бытовой идеал усугублялись социальным весом паствы. Ситуация обострялась и наличием у знати определенного количества наложниц, а половые связи хозяина с «робами» были, по-видимому, обычным делом. Кирик по этому поводу поинтересовался у Нифонта: «А ожи, владыко, се друзии наложници водять яве и детя родять, яко съ своею [законной, венчальной женой], и друзии съ многыми отаи робами: которое лоуче?». И получил ответ: «Не добро, ни се, ни оно»¹. Примечательно, что ни о штрафе, ни об епитимье за подобные действия речи собеседники не ведут. По-видимому, церкви ничего не оставалось делать, как мириться с создавшимся положением вещей. Социальный вес паствы был слишком велик, чтобы православие могло ставить свои условия, задавать определенные нормативные рамки. Поэтому даже в первой половине XII века «Устав великого князя Всеволода о церковных судах» вынужден был решать вопросы, связанные даже с трое- и четвероженной семьей².

Сразу после создания молодая семья сталкивалась с рядом новых для её членов проблем. Церковь пыталась сделать подконтрольными себе и самые интимные сто-

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.41—42.

² Законодательство Древней Руси. — С.253.

роны внутрисемейных отношений, обращая пристальное внимание, в первую очередь, на проблемы сексуальной этики. Наказание за совершение «греха», в определенной мере, способствовало развитию культуры сексуальной жизни в браке и объективно содействовало охране здоровья женщины.

Но установление церковного контроля над сексуальной жизнью не было ни единовременным актом, ни простым процессом. Священникам приходилось проявлять изрядную лояльность, отступать перед природными инстинктами человека. Особенно снисходительными приходилось быть по отношению к юношам. На исповеди «отроци холостии» охотно обещают «блюстися блуда», а на деле один «сблюдет колико любо, а друугьи мало, дажь и падають». Вот и вставал вопрос, наказывать или нет, допускать ли в церковь и позволять «еоуангелье целовати, и дора ясти»? Епископ Нифонт «повеле не боронити всего того», т.е. не применять никаких карательных санкций¹. Не слишком строгим было наказание и в том случае, «еже на человеце на холосте боудеть опитемья, а падеться въ ней». В этом случае рекомендовалось начать отсчет срока епитемьи сначала: «Достойно есть емоу изънова печати, а за падение емоу прияти»².

Закрывала церковь глаза на прелюбодеяние и в том случае, если согрешившие «отрок» и «отроковица» затем создавали молодую семью: «А оже девкою растлить и пакы ся оженить иною, достоить ли поставити? — А того не прашаи оу мене: чистоу быти и ономоу

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.41.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.60.

и оной»¹. Ведь в этом случае церковь получала своих новых последователей в лице молодоженов и их будущих детей, за что же тут наказывать?

А уж в законном браке церковники-практики шли на любые компромиссы со строгими церковными правилами о внутренней жизни брачной пары. Нифонт прямо заявил, что «по закону поймающаяся малжена», если случится им и после причащения, — «имети има съвкоупление той ноци несть взбранно. Темь бо теломь и оною едино тело бываеть. Также и женитве нетоу опитемы, ни мужеви, ни жене»². Более того, стоило лишь собеседнику спросить, «достоить ли дати томоу причащение, аже въ великыи постъ съвкоупляется съ женою своею», как он навлек на себя гнев епископа: «Разгневая: ци оучите рече, въздержатися в говение от женъ? Грехъ вы въ томь!»³. Здесь мы, по-прежнему, имеем дело с борьбой церкви «за массы»: любыми уступками удержать паству, привлечь на свою сторону новых последователей! Епископ Нифонт понимал, что сразу обуздать природные инстинкты православия не удастся, и церкви придется тут набраться терпения. Вот и ответил он на вопрос Ильи: «А жена бяше причащалася на обедни, а на вечеръ лежалъ съ нею моужь. — И не повеле ей владыка дати епитемье, нъ рече: аже быша съблюли тоу ночь, аже хотяче заоутра причащатися, а по причащании съблюдоуть другоую, то добро». То есть, не «съблюли» одну ночь, но продолжают ходить в церковь и постепенно будут

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.46.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.43.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.38.

соблюдать все «запретные дни». А пока на грехи молодой паствы можно и закрыть глаза: «Ажели боудуть молоди, а не мочи начнууть, то нетоуть беда». И далее следует выражение Нифонта, которое вполне можно назвать девизом церковной политики в области регулирования интимных отношений в семье: «Во своей бо жене нетоуть греха»¹.

Запреты на половые связи все же существовали в том случае, когда женщина «нечиста» («аще и жена родить деля, или иногда сквърньна, достоить ли съ своимь моужемь быти?»). Конечно, хотелось бы, чтобы муж воздержался «дондеже чиста боудеть, тоже быти съ нею», т.е. все 40 дней после родов, но Нифонт понимал, что в реальной жизни это невозможно. Потому и ограничил воздержанье восьмью днями («да быша любо и до 8 днии»), хотя и повелел «дати опитемья за то»². Но надо думать, что размеры этой, строго не оговоренной, епитемьи не были хоть сколько-нибудь значительными, обременяющими жизнь супружеской пары.

Качественное исполнение супружеских обязанностей ставилось церковью достаточно высоко в иерархии условий для благополучной семейной жизни. Признавалось право жены на измену своему мужу, если тот не устраивал её в интимном плане: «Ожели моужь на женоу свою не лазить безь с [ъ] вета, то жена невиноваа, идоучи от него»³. Это одно из немногих законодательно закрепленных оправданий супружеской неверности со стороны

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.61.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.57.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.48.

женщины, которая, вообще-то, была прямым поводом к разводу супругов, о чем мы поговорим ниже.

При этом блуд женатого человека расценивался, как менее опасное явление, нежели блуд замужней женщины, вдовы или девицы: «Аже муж от жены блядеть, митрополиту нет кун, князь казнити»¹. Разбирала эти ситуации исключительно светская власть («митрополиту нет кун»), и, надо полагать, серьёзные проблемы у виновных возникали лишь в двух случаях: при блуде мужчины с замужней женщиной или же с обрученной девицей. Санкции были крайне жесткими: «Приложивыися девице обручено мужю, аще въ волю девици, да урезается носа ему и да биется»²; «иже съ мужатою женою обретається, носа обема урезати, да биетася»³. Обратим внимание, что в первом случае ответственность несет только мужчина, хотя прелюбодеяние происходило и «въ волю девици», а во втором — ещё и женщина, поскольку здесь речь об измене законной жены. А девица, хоть и обручена, ещё пользуется полной свободой своих действий. Хотя не исключено, что после совершенного ею прелюбодеяния оскорбленный жених расторгнет брачный договор. Но насколько это было распространено в реальной жизни, неведомо.

Но если церковь и шла на значительные уступки мирянам в области интимно-брачных отношений, это не значит, что она выпустила их из-под контроля. Священник обязан был быть в курсе всего, что происходило

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

² НПЛ. — С.500.

³ НПЛ. — С.499.

внутри семьи, а если что-либо ускользало от его взгляда, то это была полностью его вина. Об этом Нифонт не преминул напомнить в своем ответе Илье: «Аже блудоуче причащались, не поведали отцемъ (т.е. духовникам), а они ведоуче даяли [причащение]? — Нетоу в томъ греха детемъ, но отцемъ»¹.

Несмотря на то, что для мирян православие представляло значительные льготы в поведении, среди представителей клира действовали совершенно другие нормы. От священника требовали чёткого и полного соблюдения христианской морали². Блуд с монахинями наказывался высшей ставкой штрафа в размере виры и наложением епитимьи на виновных: «Аше кто блудить с черницею, митрополиту 40 гривен, а во опитемию вложить»³. В Новгороде в начале XII века закон устанавливал даже физическую расправу: «Блудящему с черницею, по закону людскому носа ему урезати»⁴. Причем внутри своей организации православие разбиралось самостоятельно, без привлечения княжеской власти: «Иже чернецъ или черница впадетъ в блуд, тех судити митрополиту»; «также же или поп, или попадиа, или проскурница, а впадутъ в блуд, тех судити митрополиту опроче миру, а въ что их осудить, волен»⁵. Правда, в первую очередь, эти нормы наводят на мысль, что ещё во 2-й половине XI века православной церкви не удавалось навести порядок даже внутри, не говоря уж об остальном населении Древ-

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.58.

² См. напр.: Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.31, 45—46.

³ Законодательство Древней Руси. — С.190.

⁴ НПЛ. — С.499.

⁵ Законодательство Древней Руси. — С.191—192.

ней Руси. О том же говорит и митрополит Иоанн: «Иже в монастырехъ часто пиры творять, съзываютъ мужа вкупе и жены, и в техъ пирехъ другъ другу преспеваютъ...»¹. Но в целом, это тема отдельная, и мы поговорим о ней как-нибудь в другой раз.

Одной из насущных проблем, которые приходилось решать церкви, была борьба за детскую жизнь. Ведь далеко не всегда рождение ребенка являлось желанным. Было бы странно считать злостными прелюбодеями на Руси только упоминаемых в летописи великих князей. Наверняка прелюбодеяние было распространено среди представительниц слабого пола не меньше, чем среди мужчин, причем на всех социальных уровнях. А посему случаи убийства матерью ребенка, причем преимущественно в браке (в том числе, из страха перед непричастным к ребенку мужем), были делом довольно заурядным. Да и обычных житейских ситуаций, в которых женщина могла лишиться младенца, было предостаточно.

Устав Ярослава описывает наиболее распространенные способы детоубийства: «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить или в свиньи ввержетъ, или утопить, обличивши, пояти в дом церковный, а чим ю паки род окупить»². А «Заповедь святых отцов» дополнила этот список: 1) «аще ли которая жена удавить дитя»; 2) «аще... зелья ради извержетъ»³. Заключение в «дом церковный» (т.е. в монастырь) было

¹ Канонические ответы митрополита Иоанна. — С.16.

² Законодательство Древней Руси. — С.190.

³ Заповедь св. Отець // Голубинский Е. Е. История русской церкви. — С.515.

самым суровым наказанием, применяемым церковью, поэтому родня провинившейся была готова на всё, только бы вызволить её оттуда как можно быстрее. Для вынесения приговора требовалось «обличенье» — публичное извещение о проступке.

Виновником смерти ребенка мог стать и законный супруг: «Аже человекъ риняся пьянь на женоу свою, вередить въ ней детя?»¹. Как ни странно звучит это для современного человека, но в этом случае на виновного налагалась всего половина епитемьи. Возможно, церковь более снисходительно относилась к пьяным, как не осознающим в полной мере своих действий.

В своей беседе с Нифонтом Илья поднимает и такой случай возможной смерти младенца: «Аже оу себе кладоуть дети спяче и оугнетають, оубиство ли есть?» Нифонт же ответил, что «аже терезви, то легъчае [т.е. это ненаказуемая случайность]; али пьяни, то оубиство есть»². Как видим, здесь случай обратный: по мнению церкви, пьянство матери выступает отягчающим обстоятельством.

Женщина могла потерять ребенка, случайно оказавшись участницей (или, хуже того, жертвой) драки между мужчинами. Тогда виновный, если имеются свидетели того, что это именно он ударил беременную и повинен в смерти младенца, платит такой штраф в пользу потерпевшей, какой назначит её муж: «Аще ся котораата два мужа и уразита жену непраздну и не изидеть младенець ея, обличень да дасть цену, елико задежетъ мужь жене

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.60.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.58.

свободою»¹. Сведений, позволяющих судить о размерах подобной компенсации, нет, но, по-видимому, они должны были быть довольно значительными.

Хуже то, что сама церковь могла стать виновницей непоявления на свет младенца и притом от самой набожной матери. Новгородский архиепископ Илья предложил решение: «Егда жена носит въ утробе, не велите ей кланяться на коленехъ, ни рукою до земли, ни въ великии постъ; отъ того бо вережаются и измитають младенца»². Рекомендовано было для беременных женщин заменять земной поклон «малым поклоненьем» и милостынею, «како кто мога», а иначе смерть младенца — «наша [т.е. церкви] вина».

Но для церкви дело здесь было не только в её вине. Священников волновало, как быть, если «жены делают что любо страдоу, и вережаются и измитають?». Задавший этот вопрос Илья, по-видимому, был готов накладывать за это епитимью, но Нифонт встал на формальную точку зрения: «Аже не зельемъ вережаютъ, нетоу за то опитемья»³. Видимо, собеседники молчаливо предполагали, что тяжелая физическая работа («страда») на Руси была обычным и распространенным приемом преднамеренного «изметания». Иначе, епитимья-то тут при чём?

Но вот, наконец, ребёнок рождался и попадал в руки счастливых родителей и под не менее пристальное внимание церкви. Ведь каждый новорожденный — это новый последователь веры, новый прихожанин, и необ-

¹ НПЛ. — С.504.

² Поучение новгородского архиепископа Ильи. — С.363.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.58.

ходимо наставить его на путь истинный с первых дней жизни.

Для начала, православие признавало роды делом нечистым: «Мати рожши 40 днии да не входить въ церковь». В помещение, где «мати детя родить», запрещалось входить в течение трех дней после совершившегося; а «потомъ помыють всюде и молитвоу створять, иже надъ съсудомъ творять осквърньшимъся, ..., и тако влазить» (т.е. входить)¹.

И тут сразу вставал вопрос: можно ли новорожденному «якоже впросиль еси... не чисту сущю матерь, да не бес кормли оумреть младенецъ, достоить ли матерь свою съсати?». То есть, поскольку мать «не чиста» 40 дней, а кормилицы другой нет («доилици иной не обретающихся»), как кормить ребенка? Делать нечего: дозволили матери самой кормить младенца, ибо «луче бо оживити, нежели многимъ въздержаньемъ погубити»².

Новорожденный, естественно, с первых дней привлекал внимание церкви. Мы неоднократно говорили о крайне небольшом ареале распространения христианства на территории Руси в первые десятилетия после его принятия, поэтому ещё в XII веке приходилось ценить, если родители звали священника крестить. Посему священнику рекомендовалось не упустить момента и, бросив всё, идти крестить — «любо си и службу оставите, нетуть в том греха»³. Ведь с некрещеным церкви впоследствии будет гораздо труднее справиться.

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.33.

² Канонические ответы митрополита Иоанна. — С.3.

³ Поучение новгородского архиепископа Ильи. — С.367.

Поэтому грудному ребенку тут же давалось и причащение, несмотря на несоблюдение им поста («съ съсущим, коли хотяче причащатися, съсавше, нету беды»¹) или не слишком рьяное проявление веры его родителя: «А дѣтя крестяче дати причастьѣ, любо си и не приношено на вечернюю, или на часы, абы на обедню»².

Обряд крещения проводился, по-видимому, через 40 дней после рождения ребенка. Подтверждение этому содержит «Житие Феодосия Печерского»: «... когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили [родители] его [Феодосия]»³. Такая отсрочка объяснялась просто: как же крестить ребенка, если его мать «нечиста» 40 дней («мати рожши 40 днии да не входить въ церковь»)? Вот и приходилось священнику ждать истечения этого срока. А вот христианское имя новорожденному давали гораздо раньше, уже на восьмой день: «родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, ..., чтобы дать ребенку имя»⁴. Здесь матери входить в церковь не требовалось. Кстати, из церковных правил можно сделать вывод, что 8 дней — это тот минимальный срок, который был необходим для «очищения» от греха⁵.

Но и с крещением всё не всегда было гладко даже и в XII веке. К примеру, человек мог вдруг запоздало покаяться, что живет с женщиной, как с женой, только не венчавшись: «Любо будет в вечере привел или умчал или положил дѣвку женѣ». Церковь не могла этого так

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.38.

² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.31.

³ Памятники литературы Древней Руси. — С.307.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. — С.307.

⁵ См. напр.: Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.57.

оставить, священнику предлагалось выяснить доподлинно, что раскаявшийся «хочет ю [женщину] водити жене, въведше в церковь»¹, то есть закрепить это, начавшееся по языческому обычаю, сожительство обрядом, признанным православием. Священник должен был непременно венчать эту пару, будь она и «с детми». А затем уже решать вопрос с детьми, крестить их, причащать и т. д.

Мог быть сомнительный случай с новорожденным и в самом что ни на есть законном, с точки зрения церкви, браке. На протяжении всего XI века на Руси в христианских кругах было сильно убеждение, что «от греховнаго бо корени золь плодь бываеть». Пример тому — «окаянный» Святополк, сын двух отцов — Ярополка и Владимира. Рассказ летописи в подробностях описывает греховность зачатия Святополка: «... понеже бе была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодеичичь бысть убо. Темь и отець его [Святополка] не любяше, бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера»². В результате получился братоубийца.

Подобные суеверия были характерны не только для княжеского круга, но и для обычного населения, причем сохранялись весьма продолжительное время. К примеру, в XII веке Кирик изложил сей казус епископу Нифонту («прочтохъ же емоу из некоторой заповеди»): «Оже въ неделю и в соуботу с въ пятокъ лежитъ человекъ, а зачнетъ деля, бодеть любо тать, любо разбоиникъ, любо блудникъ, любо трепетивъ, а родителма опитемья

¹ Поучение новгородского архиепископа Ильи. — С.367.

² ПВЛ. — С.56.

две лета». Но тут уже возобладал здравый смысл, вызвавший справедливый гнев епископа: «А ты книги годятся съжечи»¹. Ведь если бы приходским священникам пришлось применять эту норму на практике, по всей Руси народ бы занимался только отбитием поклонов. Но наверняка порицанием Нифонта дело не кончилось, поскольку подобные суеверия крайне живучи. И приходилось священнику и крестить, и вести дальше младенцев с клеймом потенциального преступника.

А вот к незаконнорожденным детям и их матерям церковь относилась резко негативно: «Аще ли девка блядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою, обличивше, пояти ю в дом церковный»². В этой статье Устава Ярослава предусмотрено, что блуд может быть постоянным занятием незамужней женщины.

По мере роста ребенка перед священником вставали новые вопросы, причем одна опасность вырастала по мере взросления самих подопечных. Как мы уже говорили, церковь пыталась установить контроль над интимными отношениями населения Древней Руси, вот Кирик и полюбопытствовал: «А оже лязать дети не смысляче (т.е. и в мыслях не имея ничего греховного, запретного)?». Тут речь шла, конечно, не об епитимье, но как быть, чтобы «беды» не вышло? Нифонт и ответил: «А в том, рече, моужьскоу полоу нетоу беды до 10 летъ, а девице не пытай [о девице не спрашивай]: могоуть бо и борзе вередити [легко её испортить]»³. Видимо, «пор-

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.44.

² Законодательство Древней Руси. — С.190.

³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи. — С.35.

ча» с юных лет была весьма распространена, и что-либо поделаться тут было невозможно.

В своем стремлении закрепить в массовом сознании ценность венчания православие уделяет особое внимание законной, «венчальной» жене. Как только венчальный брак состоялся, «мужеска жена» сразу же попадала под защиту церкви и закона. Уже в середине XI века Устав Ярослава берет её под защиту от побоев («Аще который муж бьет чюжую жену, за сором ей по закону...») и от оскорбления («Аще кто зовет чюжую жену блядию...»¹). Очевидно, что между замужней женщиной, матерью семейства, и женщиной свободного поведения проводилось резкое различие, и публично отнести уважаемую замужнюю женщину к числу женщин легкого поведения значило тяжело оскорбить не только её, но и её мужа, и всю её семью. Так что бить или оскорблять чужую жену было себе дороже.

Одна из самых больших, на настоящее время, берестяных грамот (№531, Новгород, начало XIII века) посвящена такому оговору. Приведем полностью её текст в переводе А.А.Зализняка²:

«От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моем деле. Сделай ему при людях [следующее] заявление о его неправоте: «После того как ты возложил поручительство на мою сестру и на её дочь [и] назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Фед, приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить».

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

² Перевод по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.417.

Так что, господин брат, согласовавши с Воеславом, скажи ему: « [Раз] ты предъявил это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», — то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком я поручилась за зятя, то вина на мне». Когда же ты, брат, проверишь, какое обвинение и [какое] поручительство он на меня взвел, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Федора.

А давала моя дочь деньги при людях, с публичным объявлением и требовала залога. А он вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «Я шлю четырех дворян за гривнами серебра» (т. е. чтобы они взяли положенный штраф)».

Грамота №531 наглядно демонстрирует широту прав женщины в древнерусском обществе. Здесь и возможность самостоятельного ведения хозяйства, причем не только сугубо домашнего (Анна и её дочь занимались такой специфической деятельностью, как ростовщичество), и возможность женщин, наравне с мужчинами, выступать поручителями при сделках, и просьба о защите от несправедливого обвинения. И, при всём при том, признание женщиной безграничной власти мужа и старшего брата над своей судьбой.

Кстати, убийство жены к тому времени уже было лет сто (аж с 1-й четверти XII века) как запрещено законом: «Аже кто убиеть жену, то тем же судом судити, яко же и мужа». Но жизнь, как всегда, была куда ярче сухих правовых норм, и, как мы видим, прецеденты могли случаться. Да и хотя формально признавалось равенство полов

(«тем же судом судити, яко же и мужа»), но реально жизнь жены ценилась вполонину дешевле, поскольку за её убийство устанавливался вдвое меньший штраф: «... аже будет виноват, то пол виры 20 гривен»¹.

К сожалению, мы пока не знаем, чем закончилась эта драматическая история. Возможно, когда-нибудь ответ нам дадут новые берестяные грамоты. А пока мы находим в них подтверждение, что закон вставал на защиту женщины и от физических истязаний. Конкретный случай избияния женщины описывает грамота №156 (Новгород, 1140 — 1160 гг.): «Отъ Завида к Мън къ жене и къ детьмъ. А женоу ти били, не измоучили, чего же». Между строчками вписаны слова: «К Лоуке иди»².

Л.В.Черепнин считает, что предпосылкой для правильного понимания текста должно послужить установление различия между терминами «бити» и «мучити» — «измучити». Первое слово применяется для обозначения незаконного и караемого судом избияния, второе употребляется, когда речь идет о пытке или применении ордалий по суду³. Очевидно, грамота №156 имела предысторию. Адресат, имя которого, скорее всего, не дописано («Мън...»), обратился к Завиду (наверняка, лицу, исполняющему какие-то властные функции) с жалобой на то, что его жена подверглась избиянию. Речь здесь шла, конечно, о побоях, нанесенных ей не своими домашними, а кем-то посторонним (ибо про-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.70.

² Цит. по: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — С.42.

³ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — С.43.

шение к Завиду последовало от всей семьи пострадавшей, отсюда и упоминание прочих членов семьи). Завид в ответном письме (собственно, грамота №156) указал, что судебно-административный аппарат здесь не при чем, что жену жалобщика не подвергали пыткам, испытанию железом и прочим «мукам». Муж избитой должен поднять дело в суде против конкретного виновника преступления, и Завид посоветовал ему, куда обратиться: «Иди к Луке».

Любопытно, что письмо Завида адресовано, кроме человека по имени «Мън», также его жене и детям. Это — подтверждение возможности семьи сообща выступать в защиту своих интересов, наряду с коллективной же ответственностью за некоторые преступления (по «Русской Правде» разбойник выдавался «на поток и разграбление» «с женою и с детми» (ст.7)¹).

Одной из самых распространенных ситуаций в жизни семьи, наверняка, являлась драка между её членами. Причем подобные сцены не были исключением, как для рядовой, так и для великокняжеской семьи. Сага «Гнилая кожа» в событиях 1028 — 1035 гг. упоминает о ссоре между Ярославом и Ингигерд: «Конунг рассердился на неё... и ударил её по щеке. [...] Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли и больше не принимать от него такого позора»². Ссора была улажена при посредничестве «друзей княгини», но Ярославу пришлось принести извинения жене и выполнить её требования³.

¹ Законодательство Древней Руси. — С.64.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.43.

Побои, наносимые мужской стороной, оставались практически безнаказанными, наказания за них нигде не прописано. А вот жена была не вправе поднимать руку на мужа: «Аще жена бьет мужа, митрополиту 3 гривны»¹. Возможно, эта церковная норма должна была воспитывать не только жену в повиновении, но и мужа в его исполнении роли главы семьи: наверняка же это он платит штраф. Не допускалась и ситуация, когда дети могли поднять руку на родителей: «Аще ли сын бьет отца или матерь, да казнять его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный такия отрок»².

Родителям же (в идеале) была дана поистине неограниченная власть над своими чадами. В качестве крайности можно привести норму из Устава Мономаха, когда в случае непослушания сына, ведущего распутный, несправедливый образ жизни, родители могли предать его суду собрания всего города (вече): «Аще будет кому сынъ непокорливъ, губитель, не слушаа речи отца своего и матерне, ..., отецъ и мати да изведета пред врата граднаа места града того, да рекуть мужемъ града того, глаголюще: сынъ нашъ непокоривъ есть и губитель, не послушаетъ речи нашихъ, ветуяи, пьяница, да побюють и каменеиъ мужи града того, да умереть...»³. По-видимому, эта норма заимствована из византийского права и преобразована применительно к условиям Новгорода начала XII столетия, но насколько реальным было при-

³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... — С.44.

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

² Законодательство Древней Руси. — С.191.

³ НПЛ. — С.505.

менение подобного наказания к непокорным детям, сказать сложно. Возможно, сфера действия этой нормы Великим Новгородом и ограничивалась, а её возникновение связано с реальным жизненным казусом. В других источниках, содержащих сведения о семье, подобная ситуация отсутствует.

Но, в целом, родители, воспитывавшие детей до их совершеннолетия, частенько прибегали к телесным наказаниям. Примеры этому можно найти в «Житие Феодосия Печерского», когда мальчик оказался в полной власти своей матери-вдовы: «... и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына»¹. И, по-видимому, подобные методы воспитания принимались и общественным сознанием, и церковью, как обычное явление, нечто само собой разумеющееся, потому и сохранились вплоть до начала XX века.

Грамота №893 (Новгород, 1-я половина XII века) частично сохранила для нас фрагмент поучения об управлении домом, некий набор из нравоучительных посланий, а также и конкретных указаний, как необходимо вести хозяйство. Позднее, в XVI веке, подобным поучением выступит «Домострой». К сожалению, документ сильно поврежден и содержит всего четыре строки:

Строка 1: «... пшеницы две осмины...»

Строка 2: «... [делай] сам. Если же ведаешь домом, то рано встань, а поздно ляг. А я...»

Строка 3: «... [рыбу солите как] есть — и потроха, и всё. Если же [окажется, что] вы не солили суща, [а где] случаем сведаете — испробовав, [купите]...»

¹ Памятники литературы Древней Руси. — С.311.

Строка 4: «... ради; если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника»¹.

Наверняка подобные рекомендательные своды (к примеру, общеизвестное «Поучение Владимира Мономаха») широко использовались в процессе воспитания подрастающего поколения и подготовки их к взрослой жизни. А последняя сохранившаяся строка грамоты №893 направлена и на формирование уважительного отношения к престарелым родителям, подчеркивала необходимость заботы о них.

Дети вырастали, обзаводились собственными семьями, разъезжались по другим городам. Но заложенное воспитанием стремление заботиться об отце с матерью постоянно напоминало о себе. Вот и пишет новгородец Георгий из Смоленска в Новгород своим родителям (грамота №424, 1-я четверть XII века): «(Г) р [а] (мота) от [тъ гю] р [ьг] я к [ь] о [тъ] чеви и къ матери. Продавшше дворъ идите же семо Смольньску ли Кыевоу ли: дешевети хлебе. Али не идете а присъте ми грамотичу сторови ли есте»². Мол, напишите, как вы живы-здоровы, а лучше переезжайте поближе к сыну, тем более, что и жизнь у нас подешевле будет.

Однако мы неоднократно говорили о том, что к XII веку у славян процесс перехода к индивидуальной семье завершился далеко не полностью. Сохранялась традиция жить большими дворами, когда взрослые дети селились рядом с родителями, и это добавляло церкви забот по внутрисемейному надзору. И ладно бы дрались пред-

¹ Перевод по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.290.

² Цит. по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.272.

ставители разных поколений между собой, это полбеда. А вот когда «блудят» отец «с дочерью», пасынок с мачехой («кто с мачехою в блуд впадеть...»), свекор со снохою или «деверь с ятровою», или с «падчерицею», — это реальная проблема! И церкви приходится с головой погружаться во внутрисемейные перипетии, устанавливая наказание за интимные связи между близкими свойственниками: сожитительство отца с дочерью («Аще отец с дочерию владеть в блуд...»¹), с родными братьями или сестрами («Аше два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку поняти в дом церковный»; «аще кто с сестрою блуд створить...»²). За кровосмешение устанавливались огромные штрафы в пользу церковной власти (и 12, и 30 гривен). Снохачество — обычное право свекра (отца мужа), главы семьи, на сожитительство со снохами (жена сына) наказывалось максимальным штрафом размером в виру и епитимьей: «Аще свекор со снохою блудить, митрополиту 40 гривен, а опитемию примуть по закону»³. Причем вся эта борьба — чисто церковная инициатива, ибо княжеская власть здесь даже не упоминается. Но полного успеха в этой области православию достичь не удалось, и отдельные пережитки сохранялись в крестьянских семьях вплоть до XIX века.

Препятствием к сожительству, не говоря уж о браке, являлось и духовное родство. Духовные родители — крестный отец и крестная мать (кум и кума), воспринимающие крестника от купели, не имели права на сожи-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

² Законодательство Древней Руси. — С.190.

³ Законодательство Древней Руси. — С.191.

тельство под угрозой наказания: «Аще кум с кумою блуд створить, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от бога»¹. На севере, в Новгородской земле санкции были строже, тут наказание за сожительство духовных родственников было физическим: «Иже поиметь куму свою жене, ... носа обема урезати и разлучити я. Аще ли дщерь свою поиметь от святого крещения, суд тот же»². Возможно, замена денежного штрафа телесными наказаниями связано с более ранним наступлением безмонетного периода на севере Древнерусского государства.

По мере установления моногамной, венчальной семьи не забывала церковь и об укреплении собственной монополии на умы, ведя активную борьбу с проникновением влияния иных, главным образом, восточных религий. Связь русской девушки с представителями других религий запрещалась под угрозой заключения в «дом церковный» и огромного (более размера виры) штрафа с иноземца: «Аще жидовин или бесерменин будеть с рускою, на иноязычницех митрополиту 50 гривен, а рускую понята в дом церковный»³. Мужчинам же запрещалось сожительство с представительницами нехристианских верований, но санкции здесь строже: штраф и отлучение от церкви⁴. Примечательно, что в Уставе Ярослава не упоминаются представители западно-христианской церкви. Возможно, сказались широкие связи Рюриковичей с королевскими дворами Западной Евро-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

² НПЛ. — С.499.

³ Законодательство Древней Руси. — С.190.

⁴ Законодательство Древней Руси. — С.192.

пы (дочь Ярослава Мудрого Анна — королева Франции), да и в условиях назревавшего церковного раскола 1054 года идеологические противоречия западной и восточной ветвей христианства в полной мере пока не расцвели.

Ну и для полноты картины борьбы за душевное и физическое здоровье масс Устав Ярослава вводит наказание за скотоложство, равное 12 гривнам. А сверх того, дабы впредь неповадно было, накладывалась епитемья, размер которой произвольно, в зависимости от конкретного случая, определялся церковной властью: «Аще ли кто с животиною блуд створить, митрополиту 12 гривен, а во опитемии и в казни»¹. Эта норма основана на Ветхом Завете, где кара для провинившихся была жёстче и однозначнее: «Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них»². По византийским же законам смертную казнь заменяли оскотлением³. Но, видимо, на Руси более мягкий подход не подействовал, поэтому в начале XII века Устав Владимира Мономаха ужесточает наказание за подобные «удовольствия»: «Аще имется мужь съ осятемъ, да побиемся». А если любитель острых ощущений даже и после того, как его публично выпороли, вновь будет уличен в связи с «четвароножиною», то «да биемся,

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Книга Левит. Глава XX.

³ См. напр.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. — Титул XVII, ст.39.

да продасться в поганы [будет продан язычникам, по-видимому, кочевникам-степнякам], ..., и дати цену ту беднымъ»¹. Судя по всему, греховным признавался не только сам факт скотоложства, но даже деньги, полученные в виде штрафа, потому-то они и раздавались тут же в виде милостыни. Один вопрос мучает: если через сто лет с момента Устава Ярослава пришлось ужесточать букву закона, значит, инцидентов меньше не становилось, народу нравилось?

То, что зоофилия вполне имела место в реальной жизни, можно увидеть из берестяной грамоты №954 (Новгород, 1100 — 1120 гг.), в которой читаем: «Грамота от Жирочка и от Тешка к Вдовину. Скажи Шильцу: «Зачем ты портишь чужих свиней? А разнесла [это] Ноздрька. Ты осрамил весь Людин конец: с того берега грамота. Она была про коней — что ты с ними то же сотворил»»². Здесь «портишь» — это перевод оригинального слова «пошибаеши», уже знакомого нам по Уставу Ярослава обозначения изнасилования («Аще кто пошибаеть боярскую дочь или боярскую жену...»). И если проводить прямую аналогию, то упомянутый Шильце был ещё тот затейник, и, несомненно, головная боль своего района. Однако, скорее всего, «пошибаеши», в данном случае, несёт другой смысл — «наводит порчу», в том числе, колдовством, что, конечно, по-человечески менее отвратительно, однако ничуть не меньшее преступление и позор для всех соседей. Косвенным подтвер-

¹ НПЛ. — С.504.

² Перевод по: Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. — С.6.

ждением в пользу «колдовской» версии является упомянутый под 1115 годом в НПЛ массовый падёж коней у новгородского князя Мстислава и его дружины¹, а в грамоте упомянут ещё и практически совпавший по времени свиной мор. Как бы то ни было, судьбе виновника, в случае его поимки, не позавидуешь.

Как мы видим, перечень вопросов и соблазнов, вставших перед древнерусской семьёй в течение жизни, был достаточно широк. И, несмотря на активное вмешательство в повседневное семейное бытие светской и, особенно, церковной власти, справиться с ними получалось далеко не сразу. К тому же, существовала ещё одна проблема, которую стоит рассмотреть подробнее.

¹ См.: Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. — С.7.

ГЛАВА 4. РАСПАД СЕМЬИ

Одной из ключевых задач церкви было предохранить семью от возможного развала. Но на раннем этапе христианизации Руси было понятно, что сохранить семьи в подавляющем большинстве случаев не удастся. Поэтому, как и в случае с контролем над интимными отношениями, православие вынуждено было идти на уступки. К примеру, когда семья прекращала существование по инициативе мужа или обоюдной воле сторон, церковь вынужденно мирилась с совершившимся и ограничивалась взиманием пошлины: «Аще муж распустится с женою по своей воли, а будет ли венчальная, и дадять [т.е. оба вместе] митрополиту 12 гривен, будет ли невенчальная, митрополиту 6 гривен»¹. А вот за женщиной церковь практически не признавала права на одностороннее расторжение брака (за исключением отдельных случаев, о которых мы упоминали выше, к примеру, ненадлежащего исполнения мужем супружеского долга): «Аже поидеть жена от своего мужа за иныи муж или иметь блясти от мужа, ту жену поняти в дом церковный, а новоженя [т.е. молодожен] в продажи [платит штраф] митрополиту»². Интересно, что объявлялся недействительным

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

не только второй, но и первый брак, а жена передавалась под опеку церкви. При этом оба мужа были, вероятно, вольны заключать новые браки. Правда, ответственной перед церковной властью за правонарушение была не только жена, но и её второй муж, «новоженя».

Возможных поводов к расторжению брака было не так уж и много. При этом, как сторона, способная предъявить эти поводы, мыслится, преимущественно, супруг. Поводом к разводу, к примеру, не являлась кража имущества женой у собственного мужа, муж волен был сам наказать её, виновница платила штраф церковной власти (что, вероятно, связано с предполагаемым обличением жены, т.е. преданием проступка гласности), но супруги продолжали жить вместе: «Аще жена мужа крадеть и обличите ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнить ю, и про то не разлучити». И при покраже женой совместного имущества семьи (клети) велено поступать также (ст.37 Устава Ярослава). Да и пусть «жена будеть чародеица, наузница. или волхва, или зелейница» — «доличив», сам накажи, а жить продолжай («а не лишиться» (ст.38))¹. К тому же, отсутствие штрафа говорит о том, что разбирательство этого внутрисемейного дела (отправление женой языческих культов или совершение действий, осуждаемых церковью) не обязательно должно было становиться достоянием общности. Ну и, наконец, не повод для развода тяжёлая или неизлечимая болезнь как жены («аще будеть жене лихьи недуг, или слепа, или долгая болезнь, про то еа не пустити»), так

² Законодательство Древней Руси. — С.190.

¹ Законодательство Древней Руси. — С.191.

и мужа («также и жене не следует пустить мужа»¹), ибо одна из целей семейного союза — это поддержка супруга в тяжелую для него пору.

Только в шести случаях Устав Ярослава разрешал развод, и все — по вине женской стороны («А сими винами разлучити мужа с женою»)²:

— «услышит жена от иных людей, что думати на царя или на князя, а мужу своему не скажет, а опосли обличиться — разлучити», т.е. жена узнала о готовящемся посягательстве на власть и жизнь монарха, но не сообщила мужу;

— «оже муж застанет свою жену с любодеем или учинит на ню послухы и исправу», т.е. застал лично муж жену за прелюбодеянием, или ему свидетели подтвердили;

— «аще подумаетъ жена на своего мужа или зелием, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотятъ убити. а мужу своему не скажет, а опосле объявиться», т.е. покушение на убийство мужа или недонесение о готовящемся его убийстве;

— «аще без мужня слова иметь с чюжими людьми ходите, или пити, или ясти, или опроче мужа своего спати», т.е. как бы прямой измены нет, но вот общение жены с посторонними, ночевка вне дома и без разрешения мужа, которые вполне могут представлять угрозу для её чести, — вполне себе повод разойтись;

— «оже иметь опроче мужа ходити по игрищам, или в дни, или в нощи, а не послушати иметь», т.е. посещение

¹ Законодательство Древней Руси. — С.190.

² Законодательство Древней Руси. — С.192.

женщиной без сопровождения мужа всяческих гуляний, празднеств и несоблюдение соответствующего запрета, сделанного мужем;

— «оже жена на мужа наведеть тати, велить покрасти, или сама покрадеть, или товар, или церковь покрадши, инем подаеть, про то разлучити», т.е. участие жены в краже имущества мужа, или другое воровство, в частности, из церкви.

Эти «вины» присутствуют и в памятниках византийского права, кроме последней — о воровстве жены, которая в византийских источниках отсутствует. В том же Уставе Ярослава (ст.36) содержится норма, по которой, как мы упоминали выше, жена за кражу наказывается мужем, а митрополиту платится штраф, но специально указывается, что основания для развода здесь нет. Это говорит том, что во времена создания Устава на Руси ещё не было единых норм, регулирующих семейные отношения в целом и разводы, в частности. Христианские традиции сосуществовали с местными языческими обычаями и противоречивыми нормами переводных памятников, а выбор тех или иных диктовался конкретными условиями, взглядами или знаниями местного церковного иерарха или другого составителя правового свода.

В начале XII века Устав Мономаха, не отменяя и подтверждая старые поводы к разводу, узаконивает новые, причем, наверняка, это была вынужденная мера. По-видимому, православие перестало справляться с огромным количеством самовольных «ропусов», и некоторые из них пришлось признать в качестве «вин» для развода. Но, по-прежнему, большинство предусматривают вину только женской стороны («Разлучаеть бо ся за сия грехы жена от своего мужа»)¹:

— «блуда ради, аще обличится», т.е. как и в Уставе Ярослава, за супружескую измену;

— «и проказы деющи животу ему», т.е. вновь закреплялась норма о возможности развода в случае кражи женой совместного имущества семьи или причинения ему вреда другими способами;

— «сведуци иного мужа, кроме своего, и мужь оущь, не запретить ему и жене своей», т.е. если жена заводила себе вторую семью, а её первый (законный, с точки зрения православия) муж знал об этом и не предпринял решительных действий (по-видимому, в этом случае инициатором развода выступала сама церковь);

— «аще въ недугъ впадетъ прокаженъ, да разлучится жена от мужа», т.е. через 60 лет после Устава Ярослава церковь была вынуждена признать поводом к разводу неизлечимую болезнь одного из супругов.

Вопрос о разводе пришлось решать и в середине XII в. В беседе с Нифонтом Кирик не преминул обговорить и такой случай: «А иже-го распустилася малжена, ..., что темь опитемья?». Нифонт же в ответ разразился тирадой с подробнейшими объяснениями: «Не дай причащения томоу, который ею распоускаеться, а со инемъ совъкоупляеться; али онъ оумирати начнетъ, тоже дай [поступи также]. Ое ли велми зело боудеть, яко не мочи моужю държати жены, или жена моужа. или долгъ многоу оу мужа застанеть, а порты ея грабити начнетъ [т.е. если муж влез в долги и, чтобы возместить их, начинает продавать совместное имущество и личные вещи жены], или пропиваеть, или ино зло»¹. Впервые женщина получает право

¹ НПЛ. — С.502.

на расторжение брака, признанное церковной властью, в случае недостойного поведения мужа.

Таким образом, церковь в своей борьбе за нерушимость брачного союза была вынуждена на некоторое время уступить. Желание православных священников как можно скорее приблизить реальный семейный уклад к воображаемому идеалу, наталкивалось на глухое сопротивление населения, на консервативность его мышления, во многом ещё языческого.

Сколько было разводов или отказов в них на практике, к сожалению, сказать невозможно. Но представляется, что в условиях сохранения сильного языческого влияния в домонгольской Руси количество разводов было значительным, хотя основная их часть проходила мимо церкви.

Семье с момента её возникновения приходилось ежедневно решать вопросы, связанные с совместным ведением хозяйства и владением имуществом. Понятно, что в большинстве случаев главой семейства и «добытчиком» являлся муж, а на жене, как правило, лежали домашние заботы и воспитание детей. Однако и при вполне дееспособном супруге, в случае его занятости, например, на общественной службе (как в случае с новгородским боярином Петром Михалковичем), женщина могла управлять делами, распоряжаться семейными финансами и даже вести самостоятельно дела, ссужая, скажем, деньги в долг. В результате жена получала определенную финансовую самостоятельность, которая иногда выручала всю семью: « [От] Смолига къ Грецинови и [к] Миро-

¹ Вопросы Кирика. Саввы и Ильи. — С.48.

славою. Вы ведаета оже я тяже не добыле. Тяжя ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ оже есть посоулили Двдъви кн»¹. Судя по свидетельству этой берестяной грамоты (№603, Новгород, 60-е — 70-е гг. XII века), супруга Смолига была довольно обеспеченной, раз смогла выплатить столь существенную сумму.

Некоторые дамы вели дела довольно жёстко, не давая поблажек партнерам. В грамоте Ст. Р.11 (Старая Русса, 2-я половина XII века) читаем: «Иваняя моловила Фимь. Любо коунь восоли пак ли дорго продаю»². Фактически, это ультиматум: либо возврат денег (очевидно, долга), либо значительный штраф.

Ну а на всякие мелочи, вроде заказа украшений, наверное, и внимания-то обращать не стоит: этим женщины в семье, наверняка, занимались самостоятельно³.

Но рано или поздно перед каждой, даже самой благополучной и процветающей семьей возникала проблема раздела имущества в случае смерти одного из супругов или распада семьи. Пространная Правда описывает несколько бытовых вариантов, каждый из которых требовал правового решения. Попробуем в них разобраться.

В первом случае, семья пришла к моменту смерти главы семьи в полном составе и так, что он успел оставить завещание («ряд», распорядиться). Тут власть его не ограничена ничем: «Аже кто умирая разделить дом

¹ Цит. по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.404.

² Цит. по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.447.

³ См. напр.: Грамота №644, Новгород, 10-е — 20-е гг. XII в. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.267.

свои детям, на том же стояти» (ст.92)¹. Характерно, что здесь имеется в виду не «двор», а именно «дом» со всем движимым и недвижимым, одушевленным и неодушевленным имуществом. Это распоряжение твердо и нерушимо. Детям, в идеале, запрещалось спорить даже с том случае, если по завещанию отца им достались неравные доли в наследстве: «Аще отец не уравниает детей, овому мало предасть, овому много, а другаго лишена отворить за гневъ некакъ», — это его право — «да ся разделить всемъ на чясти»².

Но, надо полагать, что подобный передел имущества далеко не всегда устраивал наследников. А ведь глава семейства мог завещать не только детям, но и другим родственникам, как, например, составитель грамоты №818 (Новгород, 60-е — 70-е гг. XII века): «У Песковны 5 кун и гривна. У Фимы 5 кун. У Завида 5 гривен. В кубышке 4 гривны серебра. Всё это я даю брату»³. Пусть это, скорее всего, — только черновик завещания, но повод для распрей между родственниками здесь заложен серьезный. И, в первую очередь, при переделе имущества могла пострадать вдова-мать. А потому: «Аже жена сядет по мужи, то на ню часть дати; а что на ню муж възложить, тому же есть госпожа» (ст.93). Это все равно, что «на том же стояти», — столь же твердо и нерушимо, причем независимо от того, был ли «ряд», или нет. Если вдова не выйдет ещё раз замуж («сядет по мужи»), она получает на жизнь определенную часть имущества

¹ Законодательство Древней Руси. — С.70.

² НПЛ. — С.503.

³ Перевод по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.367.

мужа (выдел), а кроме того, остается собственницей всего, что было подарено мужем (украшения, одежда и прочее, что можно было «взложить» — надеть на нее). «Взложить» он мог и задолго при жизни, и указание на это мы находим в ст.94 Пространной Правды: «Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своея; любо си на жену будеть възложил, обаче матери своей возмуть»¹. Т.е. имущество, принадлежавшее первой, видимо, покойной к тому времени жене, наследуется детьми не от второго, а только от первого брака. Это распространяется и на то, принадлежащее ей, имущество, которое муж после её смерти подарил своей второй жене, т.е. мачехе детей. Потому как первая жена, по церковным воззрениям, — на первом месте. А вторая жена получит только свою «часть», если ничего на нее не было «взложено» особо.

Всё остальное в оставшемся от отца имуществе — это и есть собственно наследство, «задница»: «а задница ей мужня не надобе» (ст.93)². Наследство полностью отходит «детем»; а если они недовольны «рядом» отца — пусть ссорятся и спорят промеж себя в пределах «задницы»; мать в этих спорах уже не участвует.

Но отец может умереть «без ряду», и это, надо полагать, являлось весьма распространенной ситуацией в условиях эпохи вообще, а в верхушке общества — в особенности (смерть в походе): «Паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души» (ст.92)³. Тут вступает в действие вторая форма наследо-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.70—71.

² Законодательство Древней Руси. — С.70.

вания — по закону. Поскольку перед нами — христианская семья, то помин души обязателен, потому часть имущества идет в церковь или в монастырь. Казалось бы, все дети покойного равны в наследовании имущества, но статья 95 уточняет, что «всем детям» — это только сыновьям: «Аже будеть сестра в дому, то той задница не имати, но отдадать ю за муж братия, како си могуть» (ст.95)¹. «Како си могуть» — это и есть сестринская (или дочерняя) доля, по своим размерам довольно неопределенная. Свидетельство подобного «наделения» сестры (к сожалению, опять же без точного указания, какой именно это был «надел») мы находим в грамоте №705 (Новгород, начало XIII века)².

Эта неопределенность, наверняка, создавала простор для различных злоупотреблений, и не случайно, видимо, Устав Всеволода вводит норму, регулирующую процесс выделения дочерней «части»: «Иже есть останутся сынове и дщери у коегождо человека, братии со сестрами равная часть от своего имения. Иже или сестра девою блуд сътворить, а истый сведители обличають, таковая да не възметь у братии от имения отечьскаго части. Или братия имения ради лжу составят на сестру, а будеть познано дело их лжа, таковый по закону камением да побиен будеть»³. То есть, если незамужняя сестра «блуд створить», и будут свидетели, она теряет право на свою часть наследства. Но если братья оклеветают сестру, и это

³ Законодательство Древней Руси. — С.70.

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

² См. напр.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.422.

³ Законодательство Древней Руси. — С.253.

будет доказано, они подвергнутся казни. Бывало ли такое на Руси, сказать сложно, но едва ли гладко проходило дело с сестрами при семейных разделах. Ну а если кто из сестер уже замужем, «то не даяти части им» (ст.90)¹, ибо за ними пошло уже приданое, доставлявшееся наутро после свадьбы.

Случай столкновения сыновей из-за отцовского наследства описывает грамота №235, относящаяся к XII веку: «Отъ Судише къ Нажиру. Се Жядъке, пославъ ябетника дова, и пограбила мя въ братни долгъ. А я... о... о цене Жядку. А възборони емоу оти не п... е на мя опас... еду в...»². Некий Судиша жалуется Нажиру (наверняка, представителю власти) на Жадка (очевидно, кредитора его брата), который прислал двух ябетников (судебных исполнителей) в дом к жалобщику и его брату, да взыскал «братни долгъ» из общего имущества. Скорее всего, тут «задниця» на «чясти» не поделена и находится в совместном владении, вот Судиша и просит защитить от посягательств наследство отца, на которое он имеет такое же право, как и его брат, о чем собирается сам ехать и хлопотать.

Младший сын занимал особое место в деле о наследстве: «А двор без дела отень всяк меньшему сынови» (ст.100)³. За ним без завещания закреплялся родительский дом со всеми хозяйственными помещениями. По видимому, подразумевалось, что ко времени смерти отца взрослые дети жили в своих домах, а с родителями оста-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.70.

² Цит. По: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты... — С.101.

³ Законодательство Древней Руси. — С.71.

вался только младший из сыновей.

Законодательством предусматривается и иная ситуация: муж умирает преждевременно. «В дому» остаются «дети мали, а не дъжи ся будутъ сами собою печаловати»¹ (не могущие сами о себе заботиться, т.е. несовершеннолетние), а вдова-мать молода и идет замуж вторично («а мати им поидеть за муж»). Очевидно, с ней уходит то, что на нее «възложено», а если этого нет, то, во всяком случае, «часть», причитающаяся ей по ст.93. «Задница» («с добытком и с домом») поступает вместе с детьми под опеку («на руке») кого-либо из близких родственников до их полного совершеннолетия («донеле же възмогутъ»), если дети не будут приняты в дом второго мужа. А уж коли «отчим прииметь дети с задницею», то он и несет опеку. В обоих случаях все имущество сдается опекуну при свидетелях («перед людьми») по описи, по которой и возвращается опекаемым при достижении совершеннолетия с приплодом от скота и челяди, но без процентов («а прикуп ему собе»). Весь этот «прикуп» поступает опекуну, ведшему операции и «кормившему» за их счет опекаемых. Утрату же имущества, которая произошла по вине опекуна, он должен восполнить: «... что ли будетъ рестерял, то то все ему платити детем тем» (ст.99)². Мать- вдова, раз она пошла замуж, во всем этом деле остается непричастной.

Живую иллюстрацию ситуации с опекунами содержит грамота №9 (XII в.): «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даяль и роди съдаяли, а то за нимъ. А ныне вода

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

² Законодательство Древней Руси. — С.71.

новоую женоу, а мъне не въдасть ничьто же, збивъ роуки, поустилъ же мя, а иноую пояль. Доеди, добре сътворя»¹.

В.Л.Янин считает, что «злодеем Гостяты» (вероятно, это юноша) был отчим, который после смерти его матери женился вторично и захватил в свои руки добро, по закону принадлежавшее детям его первой жены². С ним согласен и Л.В.Черепнин, который, опираясь на нормы Русской Правды (статьи 92, 99, 104), предполагает, что могло произойти с Гостятой: когда он был ещё малолетним, у него умер отец, а мать второй раз вышла замуж, а причитающееся Гостяте от отца наследство было взято под опеку. Сначала опекунами были какие-то родственники («роди»), которые умножили имущество покойного Гостятина отца и вернули его с приращением («съда-ляли»). Затем опекуном стал отчим Гостяты, который, напротив, присвоил доставшееся ему наследство («а то за нимъ»). По закону, он должен был за это ответить.

Нарушение отчимом закона о наследстве произошло тогда, когда он привел в дом новую жену. Видимо, что мать Гостяты умерла, и он остался круглой сиротой. Отчим ему «не въдасть ничьто же», то есть лишил всего принадлежавшего ему по закону. Ведь ему полагалась, помимо отцовского имущества, находившегося под опекой, и материнская доля («Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матере своя...»). Это прямо подходит к случаю с Гостятой.

Обидев Гостяту, его отчим нарушил свое обязательство об опеке, которое оформлялось путем официальной

¹ Цит. По: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты... — С.103.

² Янин В. Л. Я послал тебе бересту. — С.170.

передачи детей-сирот «на руки» опекуну: «Дати на руке и с добытком и с домом» (ст.99)¹. Расторжение этого договора и имеет в виду Гостята, говоря: «збивъ роуки, поустиль же мя». Он подчеркивает, что незаконно было допущено отчимом в связи с тем, что он решил вторично вступить в брак: «а иную [жену] пояль» (и ранее: «а ныне вода новоую женоу»).

Гостята, возможно, достигнув к этому времени совершеннолетия, обращается к Василию со словами: «Доеди, добре створя». Очевидно, он просит последнего помочь ему добиться по закону восстановления своих прав. Василий же, скорее всего, — из тех «ближних», кто ещё до отчима присматривал за имуществом Гостяты, или, ещё вероятнее, один из тех «людей», перед которыми опекун совершил «ряд» об опеке. Как участник или свидетель дела о причитающемся Гостяте наследстве, он мог выступить по этому поводу в суде.

Вот так с помощью берестяных грамот мы можем персонифицировать нормы Русской Правды, взглянуть на реальную картину жизни населения Древнерусского государства.

Молодая вдова могла остаться и хозяйкой дома, управлять им, воспитывать малолетних детей: «Аже жена ворчеться седети по мужи...» (ст.101). Это совсем как мать Феодосия Печерского или новгородская боярыня Марена — энергичная женщина-хозяйственница средних лет. Мы уже говорили, что и при живом-то муже супруга располагала значительными средствами, а уж после его смерти — весь дом в её руках. Ей и деньгами распоря-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

жаться («Отъ Твьрьдаты къ Зоубери. Възми оу господыни три на десяте резане»¹), и с должников взыскивать: «От Говеновой [вдовы] к Неженцу. Дай шестьдесят кун ладейных (т. е. за ладью или на ладью). [Так] сказал Говен перед смертью, а поп записывал. Дай [их] Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду — это тебе станет в большую сумму»².

Но не все столь крепки: «... а ростеряеть добыток и поидеть за муж», проживет, что было, и бросит семью — тогда «платити ей все детем»³. Из своего приданого или из средств нового мужа, никого не касается, но это твердо — «задница ей мужня не надобе» при любых обстоятельствах.

В Русской Правде же отмечен и ещё один, надо полагать, весьма распространенный случай: она — мать-вдова на склоне лет среди взрослых, вероятно, женатых сыновей. И доживать свои дни ей предстоит «на дворе» у кого-либо из детей, где её и будут «кормить». Материнское имущество наследовалось иначе, нежели отцовское. Она сама могла определить наследников, а вот дети не смели претендовать на раздел материнской «части». По закону, наследство матери переходило тому, с кем она жила до смерти, или тому, кто обеспечивал её пропитание: «А матерня часть не надобе детем, но кому мати дать, тому же взяти, дать ли всем, а вси розделять, без языка [завещания] ли умереть, то у кого будеть на дворе

¹ Грамота №84, Новгород, начало XII в. Цит. по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.285.

² Грамота Звен.2, Звенигород, начало XII в. Перевод по: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — С.346.

³ Законодательство Древней Руси. — С.71.

была и кто ю кормил, то тому взяти» (ст.103)¹. Вдова имела право пожизненно жить на дворе своего покойного мужа, несмотря на возражения детей: «Не хотети ли начнуть дети ей на дворе, а она начнетъ всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детям не дати воли» (ст.102). Мать оставалась главой семьи и хранителем всего имущества, оберегая его от необдуманных поступков детей, а после достижения ими самостоятельности могла получить причитающуюся ей часть и, при этом, сохраняла право жить в доме: «... но что ей дал муж, с тем же и седети или, свою часть взявше, седети же» (ст.102)². Заботиться о матери, по-видимому, должен был старший из сыновей, а при его отсутствии или отказе — любой другой сын: «А матери, который сын добр, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое» (ст.106). В этом случае мать могла оставить ему свое имущество по завещанию, руководствуясь только отношением к ней. Вероятно, нередки были и случаи, когда все сыновья будут относиться к ней дурно и «кормить» её будет дочь. В этом случае имущество матери могло отойти и дочери («вси сынове ей будутъ лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить» (ст.106)³).

В ст.94 Правды упоминается вторая венчальная жена, вступившая в семью за смертью первой. Если это так, то, собственно, и всё. Смена одной жены другой при жизни главы семейства ничего не меняла в имущественном строе семьи, самое большее — после смерти отца возни-

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

² Законодательство Древней Руси. — С.71.

³ Законодательство Древней Руси. — С.71.

кало различие между детьми в отношении к материнской части имущества.

Другое дело — когда менялись мужья при одной жене. Наверняка часто второй муж входил в «дом» первого в качестве отчима его детей и опекуна над его «домом». Теоретически понятно, что «аже будут двою мужю дети, а единое матери, то онем своего отца задница, а онем своего» (ст.104). А вот на деле опекунское управление имуществом «своего иночима» и приемных детей могло оказаться небрежным, или рискованным, или просто неудачным и тянуться так до самой смерти опекуна, накапливая убытки. И когда такой опекун умирал, ответственность за него нес его наследник или сын: «Будет ли потерял своего иночима что, а онех отца, а умереть, то взворотит брату, на не же и людье вылезуть, что будет отец его истерял иночимля [относительно чего выступают свидетели, при которых совершалась приемка имущества опекаемых]; а что ему [т.е. сыну опекуна] своего отца, то держать» (ст.105)¹.

Интересны изменения, произошедшие в положении внебрачных детей и их матерей, по сравнению с X веком. Существование на Руси холопства и других форм личной зависимости способствовало возникновению интимных связей хозяина с женщинами-рабами. Во времена Владимира Святого все дети великого князя и, можно предположить, представителей более низких слоев пользовались равными правами на власть и, следовательно, на имущество. Но за полтора столетия, к моменту создания Пространной Правды (1-я четверть XII в.), нормы

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

наследования власти и имущества главы семьи существенно изменились, выведя за круг наследников незаконнорожденных детей и их матерей. Дети господина, рожденные от «робы», стали считаться незаконными и поэтому уже не являлись наследниками («Аже будуть робьи дети у мужа, то задници им не имати»), но после смерти господина и они, и их мать получали свободу: «но свобода им с матерью» (ст.98)¹.

И всё же здесь прослеживаются пережитки X века. По-видимому, законодатель исходил из того, что дети от «робы», хотя и незаконнорожденные, но свои, родные, и для них хозяину-отцу необходимо было сделать что-либо, пусть и после смерти, хотя бы для успокоения души. К тому же, вряд ли придаст устойчивость семье покойного наличие в доме его любовницы (пусть и рабы), да ещё и детей от неё — кровных братьев и сестер законных наследников. Вот потому от них и стремились избавиться, как можно быстрее, сразу же после смерти главы семейства.

¹ Законодательство Древней Руси. — С.71.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования мы можем сделать ряд выводов. С начала IX века происходят значительные изменения, как в общественном строе восточных славян в целом, так и в семейно-брачном укладе в частности. Накануне образования Древнерусского государства у восточнославянских племен наличествует большая патриархальная семья, и в IX веке начинается её распад и переход к малым индивидуальным семьям, а также смена семейной общины общиной соседской. Это подтверждается как материалами письменных источников, так и данными археологии. Славяне являются приверженцами полигамной традиции, а в каждом племени установились собственные брачные обряды.

В X веке у восточнославянских народов сосуществуют две формы брачного обряда, каждая из которых присуща тому или иному племени. Они имеют свои особенности, обусловленные, возможно, условиями жизни племен. В отдельных областях Древнерусского государства эти обряды доживут вплоть до XII века, а некоторые черты их сохранятся и много позднее. В X веке, кроме того, начинается постепенное утверждение моногамной семьи, но одновременно ещё длительное время сохраняется устойчивая традиция полигамии.

Кроме славян, в источниках упоминается и принципиально иной для современников народ — русы, имею-

щий скандинавское происхождение и обладающий своими особенностями, в том числе в отношениях семьи и брака. Какое-то время у русов также сохранялись традиции группового брака и полигамии, но постепенно (и это видно из свидетельств скандинавских и исландских sag) начинает укрепляться малая индивидуальная семья и моногамный брак. В X веке традиции полигамии, по видимому, прослеживаются лишь у представителей народа русов, покинувших Скандинавию и отправившихся в походы (или торговые экспедиции, что практически равнозначно) на Восток. Скорее всего, это следствие общения со славянскими племенами, результат некоторой ассимиляции пришельцев-скандинавов. Кроме того, в среде русов значительную роль играли женщины. Вполне возможно, это — свидетельство о наличии у народа русов пережитков матриархата, как на протяжении всего IX века, так и много позднее.

Русское общество X века — общество, где безраздельно господствует кровная месть, все попытки обуздать которую пока слабы и тщетны. Члены великокняжеской семьи обладали значительными привилегиями, которые, правда, заканчивались с поражением главы семейства на ратном поле.

Характеризуя семейно-брачные отношения Древнерусского государства XI — 1-й трети XIII вв., необходимо отметить, что именно в этот период во все аспекты жизни населения начинает активно вмешиваться новая религия — православие, взявшая курс на искоренение всех пережитков язычества и приведение всего и вся в соответствие со своими канонами. Но сразу оговоримся, что в области семьи и брака усилия новой веры и её патриархов имели далеко не молниеносный успех, да и то,

преимущественно, среди княжеско-боярской верхушки, и вплоть до вторжения войск Батыя традиционный уклад продолжал успешно существовать.

С точки же зрения общественных отношений, XI — 1-я треть XIII вв. — это время перехода от родовой общины к соседской, от большой патриархальной семьи к малым индивидуальным семьям, нашедшего отражение, как в правовых актах, так и в погребальном обряде, и в планировке поселений (переход к усадебной застройке). Причем к XI веку этот процесс завершился лишь в Киевской и Новгородской землях, в то время как на остальной территории Древней Руси он продолжался, по крайней мере, вплоть до начала XIII века.

В период XI — начала XIII вв. княжеская власть начинает предпринимать первые шаги по ограничению кровной мести, путем замены её на денежный штраф, ограничения круга родственников, обладающих правом мстить за убитого. Но как отечественные источники, так и скандинавские саги свидетельствуют о сохранении этого обычая в течение ещё достаточно длительного времени.

В этот же период начинается формирование некоторых особенностей, стадий русского свадебного обряда: помолвка с обязательной трапезой в доме невесты, брачный сговор, обряд приношения приданого и уплаты «вено» за невесту. Несомненным представляется скандинавское происхождение последнего. Но, наряду с христианскими, сильными оставались языческие традиции свадебного обряда: «умыкание», свадебные гуляния с «плясаньем и гуденьем и плесканьем», свадебные застоля, часто сопровождавшиеся потасовками между гостями. И поделать с этим православие ничего не могло: в конце XI века в церкви было велено венчаться «боля-

ромъ токмо и княземъ», а основная масса населения долго ещё «творила свадьбу» по языческому обычаю.

Необходимо отметить, что церковь в своей борьбе за контроль над массами населения Древней Руси шла на любые компромиссы с традиционным укладом, стремясь привлечь к себе как можно больше последователей. Православие стремилось с самого рождения (а, по возможности, и ранее) привести человека в храм, под знамена православия. Отсюда и повышенное внимание церковников к процессу воспитания ребенка (крещение, причащение и т.п.), борьба с детоубийством и различными предрассудками относительно заведомой греховности детей из-за несправедного поведения их родителей (несоблюдение поста, полового воздержания и т.д.).

Немалое место в церковной политике в области семейно-брачных отношений занимают вопросы сексуальной этики. Но пока ещё (до начала XIII века) система запретов в этой области не была хоть сколько-нибудь строгой и обременительной, тем более для семейных пар, живущих в освященном браке. Более того, ненадлежащее исполнение супружеских обязанностей мужчиной могло послужить одним из поводов к разводу по инициативе женской стороны.

Церковь начинает борьбу с многоженством, но даже в XII веке ощутимых успехов в этой области ей добиться не удалось. Население Древнерусского государства оставалось ярким сторонником полигамной традиции. В домонгольский период истории Руси православие лишь берет курс на установление главенствующей роли первой, венчальной и потому «законной», с точки зрения церкви, жены. Законом устанавливаются запреты на убийство жен, применение к ним физических истязан-

ний. Это подтверждается и свидетельствами берестяных грамот.

Процесс утверждения моногамной семьи можно проследить на примере великокняжеской семьи, начиная с правления Ярослава Мудрого. Здесь усилия православия более успешны: с этого периода источники упоминают у великих русских князей только одну жену. Но не будем забывать о возможности существования у князей и бояр, наряду с законной семьей, огромных «гаремов», насчитывавших порой десятки (и даже сотни, как у Владимира Святого) наложниц.

Другими направлениями работы церкви, да и княжеской власти, по приведению семейно-брачных отношений в соответствие с христианскими идеалами были попытки борьбы с внутрисемейными побоями и сексуальными связями между близкими родственниками и свойственниками. За подобные действия, которые могли, как привести семью к развалу, так и негативно отразиться на потомстве (будущих прихожанах), церковная и светская власть устанавливали огромные штрафы, применяли телесные наказания. Но существенных успехов тут, опять же, добиться не удалось, и отдельные пережитки (к примеру, снохачество) сохранялись в русском обществе вплоть до XIX века.

Одной из основных задач церкви, наряду с утверждением венчального единобрачия, было и сохранение семьи, ограждение её от возможного распада. Поэтому огромное внимание уделяется вопросам развода, минимизации количества самовольных «ропусов». Для начала количество поводов к разводу православие ограничивает примерно десятью, и, в основном, все они подразумевают инициативу мужской стороны. Но уже в исследу-

емый нами период истории Древнерусского государства православие берет курс на сокращение их числа.

Понятно, что сохранить все семьи было невозможно, поэтому приходилось решать проблемы, возникающие в процессе их развала, в том числе, раздел имущества. Появляются нормы, регулирующие выделение части имущества каждому из членов семейного коллектива, включая мать, взрослых и малолетних детей. А на основе свидетельств берестяных грамот мы видим, как проходил процесс распада рядовых древнерусских семей, каковы были последствия, и на что приходилось идти неудовлетворенным сторонам.

Несмотря на трудности, испытываемые христианской религией в утверждении семьи, основанной на библейских и евангельских принципах, церковь смогла добиться определенных результатов в этой области. Но следует помнить, что все эти успехи и преобразования в XI — начале XIII вв. не распространялись, по-видимому, за пределы Киевской и Новгородской земель. Основная же масса населения Древнерусского государства накануне вторжения монголо-татарских войск оставалась языческой во всех сферах общественной жизни, в том числе и в области семейно-брачных отношений.

Проблема семьи и брака — весьма обширная и многосторонняя. В данной работе мы лишь попытались наметить основные направления для будущих исследований, очертить круг проблем, требующих гораздо более полного и всестороннего освещения. Вполне возможно, что на основе привлечения новых источников (например, новых берестяных грамот), новых археологических исследований некоторые выводы будут скорректированы, конкретизированы. Тема семейно-брачных отноше-

ний Древней Руси домонгольского периода представляется практически неисчерпаемой и весьма благодатной для исследователей-историков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник Московского университета. История. №1. — М., 1974.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В трех томах. — М.: Наука, 2009.

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). — М., 1953.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. II — М» 1963.; Т. VIII. — М., 1973.

Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Христианство и Русь. — М., 1988.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское Библейское общество, 2014.

Богданов А. П. Княгиня Ольга // Вопросы истории. 2005. №2.

Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. — Киев, 1989.

Бужилова А. П. Парные и совместные погребения на Русском Севере (по данным антропологии) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. — М., Вологда: Древности Севера, 2015.

Булкин В. А. Курган 7 из раскопок С. И. Сергеева

в Гнездове // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Вып.144. — М., 1975.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1915.

Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права, вып.1. — Киев, 1899.

Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского // РИБ, т. VI. —СПб., 1908.

Гаубе И. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России народах ей единовѣрных и единоплеменных. Т.1. — М., 1845.

Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (К вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/ Старой Ладogi скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. — М.: Наука, 1994.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т.1. Половина 1. — М., 1880.

Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материалах Древней Руси). — Минск, 1970.

Греков Б. Д. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого Статута // Вопросы истории. 1951. №8.

Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1949.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX — XII вв.): Курс лекций. — М., 2001.

Данилова Г. М. К вопросу о положении женщины в период генезиса феодализма (сравнительный анализ славянских и германских «Правд») // Исследования

по славяно-германским отношениям. — М., 1971.

Державин Н. С. Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах современных народов // Сборник статей посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И.Ломанскому. Ч.1. — СПб., 1907.

Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. — СПб., 1864.

Долгов В. Быт и нравы Древней Руси. — М., 2007.

Древнерусские берестяные грамоты (www.gramoty.ru).

Древности славян и Руси. — М.: Наука, 1988.

Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». — СПб., 1880.

Дубакин Д. О влиянии Византии на семейный быт русского общества // Христианское чтение. 1881. №3—4.

Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.

Загоровский А. О разводе по русскому праву. — Харьков, 1884.

Зайковский Э. М. Сыр в дохристианских обрядах и верованиях белорусов // Религия, умонастроения, идеология в истории. — Брянск, 1996.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. №3.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной

Европе. Т.2. — М., 1962.

Зозуля С. С. Датировка камерного погребения №348 Тимеревского некрополя // Российская археология. №4. — М., 2012.

Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения. Материалы научной конференции. — Ярославль, 2014.

Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1992.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. — Баку, 1986.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — М., 1987.

История культуры Древней Руси. Т.2. —М.-Л., 1948—1951.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т.1: Монографии по русской истории. — СПб., 1897.

Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI — XIX вв.). — М.: Советская Россия, 1989.

Калинина Т. М. Арабские источники VIII — IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. — М.: Наука, 1994.

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. — М., 1988.

Калинина Т. М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 годы. — М.: Наука, 1995.

Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ, т. VI. — СПб., 1908.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. — М., 1989.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2—3. — М., 1991.

Карпов Д. А. Отчет об охранных раскопках курганной группы Елисеевичи Брянского района Брянской области в 2007 г. — Брянск, 2008.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921/922 гг. — Харьков, 1956.

Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. — М., 1905.

Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. — СПб., 2001.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. — М., 1981.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М.: Наука, 1991.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М., 1963.

Культура средневековой Руси. — Л.: Наука, 1974.

Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6.

Ланге О. О праве собственности супругов по древнерусскому праву. — СПб., 1886.

Лев Диякон. История. — М.: Наука, 1988.

Лещенко В. Ю. Антиклерикальное значение обычного права в брачно-семейных отношениях восточных славян // Актуальные проблемы изучения истории религии

и атеизма. — Л., 1982.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // Материалы и исследования по археологии СССР, 1958.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — Л., 1968.

Мавродин В. Древняя Русь. — М., 1946.

Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. — М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Мин. Просв. РСФСР, 1956.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. — М.: Языки русской культуры, 2001.

Материалы по истории СССР. Вып.1. — М.: Высшая школа, 1985.

Миненко В. В. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на участке строительства комплекса рыночной торговли в г. Смоленске по ул. Желябова — ул. Кашена в 2005 году. Т.1. — М., 2012 г.

Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX — XIV вв.: Монография. — М.: ИКД «ЗЕР-ЦАЛО-М», 2003.

Морошкин М. Свадебные обряды Древней Руси // Сын отечества. 1848. №2.

Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. — М., 2006.

Нижник Н. С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества // История государства и права. 2003. №2.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Новожеев Р. В. Крестьянский двор в домонгольской

Руси. Некоторые аспекты истории изучения // Вестник Брянского государственного университета. 2011. №2: История. Литературоведение. Право. Языкознание. — Брянск: РИО БГУ, 2011.

Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — 1-й пол. X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. — М., 1986.

Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965.

Омельяничук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX — XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Тамбов, 2009.

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. — М.: Художественная литература, 1978.

Памятники русского права. Вып.1, 2. — М., 1952—1953.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX — XI веков. — Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995.

Петрухин В. Я. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? // Секс и эротика в русской традиционной культуре. — М.: НИЦ «Ладомир», 1996.

Попов А. Об опеке и наследстве, во времена Русской Правды // Сборник исторических и статистических сведений о России народах ей единоверных и единоплеменных. Т.1. — М., 1845.

Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // РИБ, т.VI. — СПб., 1908.

Поучение духовника исповедающимся // РИБ, т.VI. — СПб., 1908.

Поучение новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) // РИБ, т. VI. — СПб., 1908.

Правило Кирилла, митрополита русского // РИБ, т. VI. — СПб., 1908.

Прошин Г. «Робичич» // Как была крещена Русь. — М., 1989.

ПСРЛ. Т. 1. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М., 1988.

Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин на Руси (X — XV вв.) // Исторические записки. 1986. Вып. 114.

Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X — XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. — М., 1996.

Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник: Погребальный обряд. Труды ГИМ. Выпуск 93. — М., 1997.

Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. (несколько общих наблюдений) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: В 2-х т. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). — СПб.: Нестор-История, 2012.

Пушкина Т. А. Раскопки Гнездова Левобережного // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — М., 1993.

Рапов М. Ю. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // Советская этнография. 1969. № 3.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X —

п. п. XIII в. — М., 1977.

Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — М., 1988.

Рафалович И. А. Славяне VI — IX вв. в Молдавии. — Кишинев, 1972.

Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч.1: Киевская Русь (с VI до конца XII века). — СПб., 1903.

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. — М.-Л.: Наука, 1966.

Российское законодательство X — XX вв. Законодательство Древней Руси. — М.: Юридическая литература, 1984.

Русские: история и этнография. — М.: АСТ: Олимп, 2008.

Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1880.

Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. — Л., 1978.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. — М.: Наука, 1993.

Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X — XIII вв. — Л., 1971.

Рыбина Е. От сватовства до свадьбы. Свидетельства берестяных грамот. (Опубликовано на www.regunica.ru).

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX — XIV вв. (Материалы и исследования). — М.: Наука, 1978.

Рыдзевская Е. А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы // Советская этнография. 1937, №2—3.

Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. — М., 1903.

Сахаров И. Сказания русского народа о семейной

жизни своих предков. Ч. III. Кн.2. — СПб., 1837.

Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. №3.

Святительское поучение новопоставленному священнику // РИБ, т.VI. — СПб., 1908.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1894.

Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. — Юрьев, 1910.

Славяне и Русь. — М., 1979.

Славяне и скандинавы. — М.: Прогресс, 1986.

Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. — М., 1877.

Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI — XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей. — М., 1983.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга I. История России с древнейших времен. Т.1,2. — М.: Наука, 1988.

Сорокин А. Н. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). — М.: Издательство «Памятники исторической мысли», 1998.

Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987.

Стурлусон С. Круг земной. — М.: Наука, 1973.

Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. — М., 1881.

Творения святых отцов в Русском переводе. Т. IX, ч.V. — М., 1847.

Тихомиров М. Н. Русская культура X — XVIII веков. — М.: Наука, 1968.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. — СПб., 1999.

Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси (по поводу статьи Ю. М. Рапова) // Советская этнография. 1972. №3.

Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. №3.

Хлебников Н. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. — СПб., 1872.

Цыпин В. А. Церковное право. — М., 1996.

Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. — Харьков, 1870.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М.: Наука, 1969.

Черниловский З. М. Русская Правда в свете других славянских судебников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. — М., 1984

Шашков С. С. История русской женщины. — СПб., 1879.

Шинаков Е. А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Сб. материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М.Заверняева. — Брянск, 1995.

Шинаков Е. А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. — Брянск, 1995.

Шульгин В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. — Киев, 1850.

Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII — XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев 1969 г. — Киев, 1972.

Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. №10.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. — М.: Наука, 1989.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI — XIV вв. — М.: Наука, 1972.

Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. — М., 1975.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. — М.: Наука, 1965.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту. — М.: Издательство Московского университета, 1975.

Янин В. Л., Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). — М.: Наука, 1978.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977—1983 гг. — М.: Наука, 1986.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984—1989 гг. — М.: Наука, 1993.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В. Исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2000 г. // Археологические

открытия 2001 года. — М., 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Источниковая база исследования	14
Глава 2. Брак и семья у восточных славян VIII — конца X вв.	20
Глава 3. Семья в XI — начале XIII вв.	62
Глава 4. Распад семьи	116
Заключение	134
Источники и литература	141

Иван Разумов

Семья в Древней Руси

О семейных отношениях у восточных славян
и русов VIII — 1-й половины XIII вв.